

ИСКРКА

7 ИЮЛЬ
1986

ИСКУССТВО

газеты
„Тенинские
искры“,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Тенина

7 ИЮЛЬ
1986

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

ПЕТЕРБУРГ-

ПЕТРОГРАД-

ЛЕНИНГРАД

Он родился во Франции 23 января 1786 года.

И похоронен в Париже.

Но весь труд его жизни остался в Петербурге, в России.

Василий **ОСТРОВСКИЙ**

Рис. О. Филипенко

МОНФЕРРАН

К 200-летию со дня рождения

«МОЛОД! ОЧЕНЬ МОЛОД!»

Глава Комитета по делам строений и гидравлических работ столицы России инженер Августин Бетанкур к своей работе относился со всей серьёзностью. Потому и судьбу молодого француза Монферрана решать не спешил. Мало ли их едет в Россию! Наверное, служил у Наполеона, а теперь остался без заказов и, соответственно, без денег. Слышал он фамилию Монферран, но мельком, краем уха.

И кто же он всё-таки такой — Анри Луи Огюст Леже Ринар де Монферран?

Из поданного прошения видно, что лет ему сейчас всего ничего — ровно тридцать. Молод! Очень молод! Поручать самостоятельные работы рискованно... Хотя свидетельство об окончании Королевской специальной архитектурной школы в Париже немало значит. Недоучек из её стен не выпускают. Что ещё? Изучение памятников Италии... Работа у Малино, генерального инспектора архитектуры Парижа... Участие в конкурсах на Большой римский приз... Н-да, за его плечами кое-что есть. Но — рискованно!.. Ведь указ о создании Комитета строений гласит, что учреждён он, «...дабы столицу сию возвести по части строительной до такой степени красоты и совершенства, которые бы, по всем отношениям соответствуя достоинству её, соединяли с тем вместе общую и частную пользу...».

Достиг ли молодой Монферран понимания «красоты и совершенства»?..

Что пишут о нём ещё? «Имеет выдающиеся успехи в делах чертёжных и рисовальных». Вот и великолепно! Пусть и проявит себя на поприще черчения и рисования.

Так 1 января 1817 года Анри Луи Огюст Леже Ринар де Монферран был определён начальником чертёжной мастерской Комитета строений и гидравлических работ.

СТРОИЛОСЬ, ПЕРЕСТРАИВАЛОСЬ...

Молодой Монферран остался доволен предложенной ему работой. Да и к испанцу Бетанкуру, выдающемуся инженеру-механику, отнёсся с уважением. Если бы Монферрану дано было знать, что ещё лежит на столе главы Комитета строений!..

А лежали там чертежи Исаакиевского собора, начерченные зодчим Антонио Ринальди полвека назад.

Не везло этой церкви Исаакия Далматского.

Впервые встала она в 1710 году на лугу против ворот Адмиралтейской верфи. Имя ей дали в честь византийского монаха, поскольку день его «памяти» как раз совпадал с днём рождения Петра I. Была та, первая Исаакиевская церковь одноэтажной, деревянной, снаружи неукрашенной, с небольшой колоколенкой. Но в один день стала церковь знаменитой: в ней венчался сам царь с будущей царицей Екатериной.

Не прошло и пяти лет — обветшала церковь. Иначе и быть не могло: снизу её болото подтачивало, сверху и с боков — дожди, снегопады, наводнения...

Зодчему Маттернови было приказано строить новую церковь. Место ей тоже было выбрано новое: на берегу Невы, там, где сейчас стоит Медный всадник. Церковь выросла покрепче, поосновательней — так в 1735 году в неё молния ударила!

Уже другому петербургскому архитектору — Савве Чевакинскому — было приказано третью Исаакиевскую церковь строить. Перестройка затянулась на долгие годы. Закладной камень положили лишь в 1768 году. Но не Савва Чевакинский, а Антонио Ринальди стал архитектором церкви.

Ринальди выбрал ей место от Невы подальше. Мыслил построить собор с пятью куполами, с высокой колокольней, а стены отделать мрамором. Но довершить задуманного не смог. Поднял стены до карниза — и уехал из Петербурга.

Император Павел I поручил достраивать собор зодчему Викентию Бренна — он в это время как раз строил царю Михайловский замок. Мрамору на замок не хватало, и царь повелел забрать тот, что был предназначен церкви. А церковь достраивать кирпичом и безо всяких там малых куполов.

Вот как строился в Петербурге собор, о котором флотский офицер Акимов сочинил стишок:

*Се памятник двух царств,
Обоим столь приличный:*

*Основа его мраморна,
А верх его кирпичный.*

Флотского офицера Акимова за сочинительство сослали в Сибирь, а собор снова решили перестраивать. Император Александр I, сменивший на троне Павла I, утвердил в 1809 году программу конкурса, в которой предлагалось «изыскать средство к украшению храма... не закрывая... богатой мраморной его одежды... приискать форму купола, могущую придать величие и красоту столь знаменитому зданию...».

НЕМАЛАЯ ПОЛЬЗА РИСОВАНИЯ

На конкурс откликнулись знаменитые архитекторы: А. Захаров, А. Воронихин, В. Стасов, Дж. Кваренги, Ч. Камерон... Все предлагали не перестраивать собор, а строить новый. Но царь не согласился. Он повелел инженеру Бетанкуру выискивать иные способы переделки собора. Вот потому и лежали на столе главы Комитета строений старые ринальдиевские чертежи.

А Монферран в это время спокойно чертил то, что ему приказывали, и рисовал. Рисовать он любил. Он оставил, как потом выяснилось, настоящую историю в рисунках: и каменоломни, и перевозку могучих колонн, и высоченные леса строящегося собора, и лагуны его строителей.

И вот неожиданно для себя Монферран получил от Бетанкура задание подумать над проектом Исаакиевского собора. Он сразу же создал 24 рисунка. Оказалось, что это — 24 проекта! И все разные. Среди них — «китайский, индийский, готический вкус, византийский стиль и стиль Возрождения и, разумеется, чисто греческая архитектура древнейших и новейших памятников...».

Бетанкур собрал рисунки в альбом, переплёл и отнёс царю. Александру I картинки понравились, и Монферран тут же был назначен «императорским архитектором». А 20 февраля 1818 года последовал царский рескрипт: «Произвести окончательную перестройку Исаакиевского собора с приличным оному благолепием и утвердив план такой перестройки по проекту Монферрана».

СОРОК ЛЕТ ЕМУ СТРОИТЬСЯ

Торжественная закладка собора состоялась 26 июня 1818 года. Бронзовая позолоченная доска с этой датой и сейчас лежит под одной из гранитных плит фундамента.

За высоким забором, скрывавшим ринальдиевские стены, загрохали удары чугунных «баб»: в зыбкую почву Петербурга вбивались просмоленные сосновые сваи длиной в шесть с половиной метров. 10 762 сваи готовились принять на себя немыслимую тяжесть. А про-

межутки между ними засыпались щебнем и древесным углём. Положили на сваи и два ряда гранитных плит. На них — бутовый камень.

Создавали этот фундамент 125 тысяч землекопов, плотников, каменщиков, кузнецов. Пять лет продолжался их упорный труд. В миллион рублей обошлась казне каменная «подушка», на которую должен был встать собор.

Монферран был ответствен и аккуратен. Каждый день появлялся он на стройке, каждый камень, заложенный в фундамент, проверял — не очень-то верил в умение этих непонятных русских мастеров... Вечно голодные, оборванные — что они могли уметь?! И волновался он, и поторапливал, и покрикивал на артельщиков, случалось — и тростью своей по спинам строителей проходил.

Волновался не один он. Никогда еще в России не строили таких огромных сооружений. Ведь это представить себе надо: целая армия рабочих людей в центре Петербурга копошится! От императора новый указ последовал: о назначении «Комиссии построения Исаакиевского собора». Члены комиссии вникли в чертежи, и у них появились сомнения: не слабоват ли фундамент? Выдержит ли такую махину? С Монферрана потребовали ответ.

Зодчего это возмутило.

Что ж, он готов показывать свои проекты всем и каждому. Не только членам комиссии! Но он не станет писать никаких записок — он выпустит альбом!

И вскоре петербуржцы увидели альбом. Великолепно нарисованные планы и профили, живописные украшения и лепные орнаменты! Вот только никаких инженерных расчётов в альбоме не было!..

Люди, в архитектуре несведущие, были в восторге. Но архитекторы обеспокоились ещё больше. Рухнет ведь собор-то! Немалые деньги под каменной грудой засыпанными останутся. Даром труд тысяч людей пропадёт.

От не верящих в его талант Монферран поначалу просто отмахнулся. Ворчат? Пусть ворчат! Долгими часами просиживал он, придумывая разные приспособления для передвижки каменных глыб, проверял на прочность строительные леса и канаты. Иногда приглашал к себе знающих инженеров, советовался. Но посторонних на стройке не терпел. И потому несказанно обиделся, когда глава комиссии граф Головин прислал к нему своего человека, подполковника П. Барушкевича, чтобы следил — на что Монферран тратит государевы деньги.

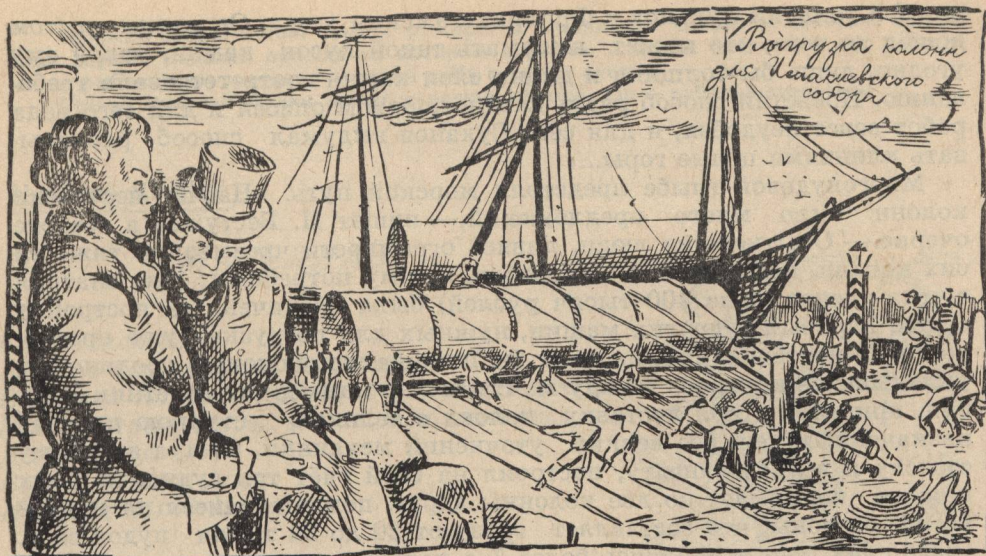
Возмущению зодчего не было пределов.

А тут еще снова — архитекторы! И первым — кто бы мог подумать! — его же соотечественник, член-корреспондент французского Королевского института Модюи. Ладно бы в салонных разговорах, а то написал ведь докладную записку в российскую Академию художеств! С чертежами! Писал и доказывал, что ежели Монферран «ещё год будет продолжать поступать по тем же правилам, то уже нельзя будет соорудить ничего приличного на тех частях, которые ныне сделаны».

В результате помимо комиссии графа Головина создан был ещё и специальный Комитет Академии художеств во главе с её президентом Алексеем Николаевичем Олениным!.. Это было уже серьезнее. Одно дело — ничего не понимающий в архитектуре граф, другое — зодчие Стасов, Росси, Мельников, Андрей и Александр Михайловы, инженер Базен!..

Теперь-то мы знаем, что и Стасов, и Александр Михайлов обвиняли Монферрана в ошибках вполне справедливо. А Росси и Бетанкур поддерживали Монферрана тоже вполне искренне. Знаем и то, что

без помощи русских инженеров и архитекторов Монферрану и впрямь не справиться бы одному со сложными расчётами. Но сам-то Монферран не столько отстаивал собор, сколько защищал свое легко ранимое самолюбие. Да и как ему было не сердиться, не обижаться, если иные горячие головы именовали зодчего и «недоучкой», и «невеждой», и презрительно — «рисовальщиком».

Вспыльчивый Монферран возмущался, отвергал, опровергал, писал царю и, если уж соглашался с чем-либо, то лишь окончательно побеждённый точными расчётами.

Вот так и растянулось строительство собора на четыре десятилетия. К 1827 году завершили работы по закладке фундамента. Затем тринадцать лет устанавливали 48 гранитных колонн портика, двадцать четыре — подкупольного барабана; поднимали стены, создавали пилоны, фриз, главный карниз... Только потом уж принялись за купол. В 1841 году закончили и его. Да ещё семнадцать лет отделывали собор внутри.

КАМЕННЫЙ КОЛОСС

На 101,5 метра возвышается над городом каменная гора Исаакиевского собора. И каких только камней в ней нету!.. Одного только мрамора всевозможных сортов сколько: серый из-под Выборга, нежно-розовый из Карелии, красный французский, итальянские — белый карарский, зелёный генуэзский, жёлтый тийенский, «чёрный аспид»!.. А рядом — густо-красный карельский порфир, тёмно-синий афганский лазурит, уральский малахит!.. Академик А. Е. Ферсман подсчитал, что стены и колонны собора сложены из сорока трёх пород минералов. Не каждый геологический музей может похвастаться такой «коллекцией».

Но главное, конечно, — гранит.

Колонны Исаакия и сейчас удивляют людей, а в пору строительства они были и впрямь «чудом доселе невиданным». Отломать такую махину от скалы — чудо. В Петербург доставить — чудо. Поднять и поставить — чудо из чудес!

В 1820 году в журнале «Сын Отечества» был опубликован очерк будущего декабриста Николая Бестужева «Письмо к издателю». В нём рассказывалось о гранитных колоннах: «Выламывает оные ку-

пец 2-й гильдии Суханов в Фридрихсгамском уезде. Он одним опытом дошёл до того, что может выломать такой кусок камня, какой ему угодно, лишь бы толщина и длина слоя камня соответствовали требованию. Прежний способ рвать камни порохом опасен и для сего рода работ вовсе неудобен, и для сего Суханов выдумал способ раскалывать клиньями целые горы...»

Многопудовой глыбе предстоял морской путь. «Насчёт перевозки колонн было много предложений,— пишет Н. Бестужев в том же очерке.— Опытнейшие люди, дивясь огромности чрезмерной тяжести сих колонн, недоумевали о способах, к тому потребных; уже знатная сумма денег (близ 400 тысяч рублей) была назначена за постройку судов, паровых и других машин, нужных для погрузки; уже предложен был чертёж судна, на коем бы помещались колонны поодиночке, укладываясь наискось между мачтами; но коммерции советник Жербин, приняв на себя доставку колонн с великою уступкою противу назначенных цен, без всяких уточнений механики, следуя здравому смыслу и верному опыту, построил на свой счёт три судна, из коих каждое поднимает по две колонны вдруг, помещающиеся на палубе по обе стороны, что составляет грузу от 20 до 24 тысяч пудов весу. Оные суда... не углубляясь более 7 с половиною футов, для удобнейшего приставания к берегу и прохода в вежах, с плоским дном и таким количеством груза наверху, безопасно пускаются в море и, оправдывая опытные соображения г. Жербина, доставляют нам в целостии исполинские колонны...»

Первую колонну установили 20 марта 1828 года. Зрелище это оказалось для Петербурга столь любопытным, что взглянуть на торжественно строительной техники собрались тысячи горожан. Все крыши соседних с Исаакием домов были сплошь заняты петербуржцами. Николай I пригласил взглянуть на это чудо даже своего гостя — прусского короля.

Семнадцатиметровую колонну весом в 114 тонн установили всего за 45 минут. Она и сейчас стоит, как ни в чём не бывало, среди своих сестёр северного портика. Последняя — сорок восьмая колонна — была установлена 11 августа 1830 года, через два года и пять месяцев после первой. Гранитные глыбы, становясь колоннами, удивляли, восхищали, вдохновляли! Давно забытая поэтесса прошлого века Анна Волкова писала тогда:

*Ты, камень, чувства не имеешь, Ты душу потрясать умеешь,
Но сильно чувствовать велишь, Без слов с сердцами говоришь!*

Правда, строки эти она посвятила не колоннам Исаакия, а вставшей в 1832 году ещё одной колонне — всем колоннам колонне! «Александрйским столпом» назвал её А. С. Пушкин.

И к этой знаменитой колонне Монферран имел самое непосредственное отношение.

(Окончание следует)

Николай Дудин любит писать о море. С морем его связывает многое: армейская служба Николая прошла на военном корабле, а потом несколько лет работал он на рыболовном траулере — ловил рыбу в Тихом океане. Сейчас Николай Дудин живёт в нашем городе. Он — рабочий-строитель.

Николай ДУДИН

МАГЕЛЛАН

Качается море,
А судно под парусом движется.
Вернулся Колумб и обратно ушёл в океан.
Про быстрые ветры уж сколько писалось,
Но пишется!
Ведь в Южное море
Наметил поход Магеллан.

А волны навстречу
На корпус накатятся глыбами...
Крепка каравелла, рука рулевого крепка.
И крепче железа
(Взглянув, убедиться смогли бы мы!)
Был он — адмирал.
Долог путь, а вода глубока...

Вот в бухте стоянка.
Покончено с неразберихою!
У ног адмирала
Притих побеждённый пролив.
А Южное море
Встречало погодою тихою.
Шли носом к закату,
Вовсю паруса распустив.

То звёзды, то тучи,
То из горизонта багряного
Вставало светило,
То пряталось...
Шёл Магеллан.
И нынче проливом,
Где путь пролегал Магеллановый,
Ты тихо проходишь,
Чтоб в Тихий попасть океан...

Рис. В. Шаронова

МИХАИЛ ГЛИНКА
ПЕТРОВСКАЯ
НАБЕРЕЖНАЯ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

ЧАСТЬ III

РИСУНКИ
Ю. ШАБАНОВА

ДВА ПРОЩАНИЯ

К девятому классу Митя Нелидов был, несомненно, избалован. Избалован он был тем, что все их преподаватели давно понимали: ставить четвёрки — о тройках речь уже не шла — Нелидову не следует. Не следует потому, что Нелидов — отличник настоящий и, где что подтянуть, понимает сам. Схитрить, допустим, чтобы что-то оставить невыученным? На такую глупость ни Митя, ни большинство его товарищей способны не были. И поскольку так шло уже давно, то преподавателям и в голову не приходило ловить их на невыученном. К оценкам вообще относились ревниво, гораздо ревнивей, чем в обычных школах. От текущих за неделю оценок зависели суббота и воскресенье, от четвертных — зимние и весенние каникулы, от годовых — летний отпуск. И, наконец, последние, завершающие оценки в аттестате определяли дальнейшее: медалистам предоставляли выбор высшего училища. Два самых старинных училища, самых блестящих и орденосных, были тут же, на Неве, только ещё ближе к Морю. Одно стерегло Дворцовый мост, другое — мост Лейтенанта Шмидта. В эти два училища мечтали из Митиной роты попасть все.

Однако попадание туда гарантировала лишь медаль. Счастливец в каждом выпуске было пять, семь, много, если десять. Митя Нелидов с восьмого класса уверенно шел на медаль.

И тут как-то — для Митиной роты это было в начале девятого класса — заболел, так им сообщили, математик Глазوميцкий. Вести математику к ним на некоторое время пришёл преподаватель из соседней школы. Был он весь в тёмно-коричневом — костюм, галстук, даже волнистые волосы, даже два больших родимых пятна на шее.

На одном из первых своих уроков новый преподаватель вызвал Митю. Перед этим он задал классу какой-то вопрос, но манера вести занятия у него была иной, чем у Глазوميцкого, — тот задавал вопросы отчётливо и громко, стоял при этом, повернувшись к классу лицом и лишь убедившись, что все его слушают. Новый же преподаватель задал вопрос бормотком, да ещё отвернувшись. Классный журнал лежал на столе раскрытым, «коричневый» зацепил оттуда Митину фамилию и добавил:

— Ну-ка, посмотрим, что у вас тут за отличники!

Митя встал. Отвечать ему было нечего просто потому, что вопроса он не расслышал. Класс сидел привычно и тихо, подсказывать даже не пытались — Глазوميцкий начи-

Окончание. Начало в «Искорке» № 5, 6.

сто их от этого отучил тем, что, если требовалось, помогал отвечающему сам. Не чуя беды, Митя стоял молча. Было слегка не по себе оттого, что не расслышал, но и всё.

— Так-с! Я вас слушаю!

Митя молчал, ожидая замечания на тему о том, что слушать на уроках надо независимо от стоящих в журнале пятёрок. Кроме того, Митя ждал, что новый преподаватель повторит вопрос, он был уверен, что тот повторит, представить себе взрослого человека, занятого подлавливанием, Митя не мог.

— Садитесь, — сказал новый преподаватель. — Два.

И с видимым удовольствием нарисовал загогулину в журнале.

«Как «два»? За что? За что двойка-то?»

Все смотрели на Митю. Митя, ещё не понимая серьёзности для себя того, что произошло, пожал плечами. С ним никогда так не поступали. Да и ни с кем из них.

— Вы что же теперь и слушать не будете?

Вопрос опять предназначался ему. В Мите поднималось какое-то новое, непонятное ему раздражение, но привычка к дисциплине делала своё. Он взял себя в руки. «Вот вернётся Глазوميцкий, — думал Митя, — и всё поймёт». У Мити не было никаких сомнений в том, что Глазوميцкому ничего не надо будет объяснять — тот ведь учил их пятый год. Не может он оставить так, как есть! И, рассудив так, Митя стал успокаиваться. Произошло недоразумение, которое хоть сам он сейчас разрешить не может, но будет же оно разрешено!

И весь класс думал так же.

Но Глазوميцкого не было неделю, потом ещё неделю, а этот в коричневом костюме всё ходил и ходил к ним. Он уже, кажется, сам мог бы знать тех, кто силен в математике и действительно знает её, и тех, кому освоить её не удаётся, но

почему-то больше всего ему нравилось заставлять их врасплох. Он опять выбрал момент, когда Митя не расслышал его вопроса, опять его вызвал, и опять вкатил двойку.

И тогда Митю охватила паника.

Две двойки подряд, какими бы ни были другие отметки до конца четверти — а оставалось всего три недели, — означали, что выше тройки в таблице не получишь. Тройка в таблице в девятом классе — было тогда такое правило — означала, что обладатель её не может далее претендовать на медаль.

Все профессии, как известно, хороши и все почётны, но есть среди них всё-таки такие, которые уж так хороши, что от них приходится даже отговаривать. Специально приезжавший к ним в Нахимовское офицер из управления военно-морских учебных заведений после того, как перед ним собрали две старшие роты, так прямо и сказал:

— Не советую вам стремиться в инженерные училища. Идите в командные: командир — это мостик, это море перед глазами, это бой, который ты ведёшь сам... Да разве вас убедить? Каждый год приезжаем вам объяснять, а как смотрим — идут медалисты в инженерные... Предупреждаю медалистов — жалеть будете!

Вот после того собрания Митя окончательно для себя и решил, что пойдёт в инженерное, и именно в Дзержинку. Колебался только, какой факультет выбрать. Дизельный? Электрофак? Или самый трудный — кораблестроительный? Сомнений у Мити в том, что попадёт в заветное училище, не было. И вот — нате. «Коричневый» за полтора года до выпуска перерезал Мите давно выбранную дорогу. За что?

— Ты что это, Нелидов? — спросил заглянувший в журнал ещё после первой двойки старший лейтенант Тулунбаев и показал страницу старшине Седых. — Что это с тобой, Нелидов?

Митя ничего тогда не ответил. Да и что тут ответить?

— С виду вроде бы ты и мужик, — говорил обычно старшина Седых тем, кто пытался жаловаться или оправдываться. — Да только с виду.

И потому Митя промолчал. Но когда он получил вторую двойку, Тулунбаев вызвал его в канцелярию. Отличники были нужны не только самим себе, нужны они были и роте, Митя хорошо это понимал.

— Что происходит, Нелидов? — спросил старший лейтенант. — Ты можешь мне объяснить?

Но Митя ничего не мог объяснить. Вот если бы был перед ним сейчас кто-нибудь совсем новый, незнакомый, если бы это был не Тулунбаев, который был с ними с утра до вечера четыре года подряд и умевший, когда хотел, видеть на метр в землю. Тулунбаеву объяснить? Не будет Митя этого делать. Придёт Глазومیцкий, тот всё поймёт.

Черные глаза Тулунбаева то ли осуждающе, то ли одобрительно сузились.

— Эх ты, отличничек, — произнёс он, и опять Митя не понял — сочувственно сказал или насмешливо, и вдруг совершенно другим голосом спросил:

— Что с Глазومیцким, знаешь?

— Ну, болен... Это верно?

— Верно.

— Чем? — спросил Митя и посмотрел на старшего лейтенанта.

Тулунбаев не ответил.

— Что у него? Он лежит?

— То лежит... То... ходит.

— Значит, скоро придёт, — сказал Митя. Грипп, ангина, какая ещё болезнь могла быть у их морского конька?! Уже ходит? Значит, недолго осталось Мите ждать. Четвертные-то ведь будет выставлять он!

В эти дни Митя понял, что он всегда любил Глазومیцкого. То есть никому, если бы его спросили, как он к преподавателю математики относится, он бы такого слова не сказал, но как это ещё назвать?

Как только Глазومیцкий появ-

лялся в их коридоре, его радостно облепляли. Но Глазومیцкого эти общие проявления радости ни разу не заставили хоть кому-нибудь из них положить на плечо руку, ни разу он никого не назвал на «ты», ни над кем из них не подшутил. Об их неудачах и успехах он говорил только сдержанно.

— По-моему, вы сегодня не в лучшей своей форме. — Так он мог сказать тому, кто верно шёл на двойку.

— Кажется, вы всё сделали верно. — И ставил пятёрку.

Когда его обступали в коридоре, то, ответив тем, кто лез к нему с вопросами, Глазومیцкий никогда не оставлял вниманием и тех, кто, как Митя, хоть и подходил к нему, но стоял за спинами других.

— А вы спросите лучше у Нелидова, — говорил он, и вся толпа поворачивалась к Мите.

— Впрочем, на этот вопрос вам может ответить и Кричевский. — И вся толпа смотрела уже на Толю Кричевского. И они двое — Митя и Толя — понимали, что Глазومیцкий не только их заметил, не только здороваются с ними, а ещё и подаёт знак о том, как они оба написали последнюю работу. Лучше всех, значит, написали.

С двумя двойками в журнале Митя ждал Глазومیцкого. А того всё не было.

Однако наступил всё же такой день, когда Глазومیцкий наконец появился в училище. Он пришёл в четверг, и это было тем более неожиданным, что математики именно в четверг у Митиногo класса в расписании не значилось. Никто не заметил, как Глазومیцкий поднялся по лестнице, увидели его только в ротной канцелярии. Несколькo человек один за другим на перемене сообщили Мите эту новость: знали, кто больше всех сейчас Глазومیцкого ждёт. Ещё сообщили, что сидит Глазومیцкий спиной к свету, лица его не рассмотреть, но какой-то он странный. Жёлтый вроде.

«— Садитесь,— сказал новый преподаватель.— Два».

Митя ждал вызова в канцелярию. Но вызова так и не последовало. Впрочем, теперь Митя уже не боялся — Глазومیцкий вернулся, он спасёт.

На следующий день предстояли два урока математики. Митя ждал их, как ждут дня рождения. Он и всегда-то учил уроки так, чтобы не оставалось ни малейшего заусенца, а тут принялся повторять и повторять... Ночью Митя проснулся в поту. Снилось почему-то всё то же, что снилось последние дни. Митя опять должен был отвечать на вопросы, и опять кто-то не давал ему этого сделать даже во сне. «Но это же только сон», — подумал Митя и улыбнулся в темноте.

Сдвоенная математика значилась у Митино класса после обеда, такая же сдвоенная у соседнего взвода шла третьим и четвёртым часами. После второго урока Митя всю перемену простоял, глядя вдоль коридора, — чтобы первым увидеть Глазومیцкого. Перед своими часами тот должен был обязательно зайти в канцелярию за журналом. Прозвенел звонок, надо было идти в класс, из канцелярии выходили один за другим преподаватели — Глазومیцкий не появлялся.

— Нелидов? — вопросительно-утвердительно произнёс полковник Мышкин, останавливаясь перед их классом. — Надеюсь, вы почтите наш урок своим присутствием?

На перемене между третьим и четвёртым часом Митя узнал, что

в соседнем взводе вместо математики были объявлены часы самоподготовки. Да что же это такое?

При построении на обед перед ротой, кроме дежурного, в этот день стоял лишь капитан-лейтенант Васильев, он же, войдя в Митин класс после звонка на пятый урок, сообщил им, чтобы они занимались самоподготовкой: часы математики на этот день отменены.

— А Глазومیцкий? — не выдержав, сорвался Митя. — Товарищ капитан-лейтенант, когда он придёт?

Иногда казалось, что Васильев смотрит яростно, — наверное, был виноват расплющенный прикладом нос. Вот и сейчас изуродованное лицо Васильева ещё более перекосилось.

— Глазومیцкий... Сказали же вам русским языком! — вдруг крикнул командир роты. — Болен! Болен человек! Что тут неясно? Тяжело болен!

«Как... болен? Опять? Ведь вчера же он приходил? Его видели вчера, видели несколько человек. А теперь снова слёг?»

То, что Глазومیцкий, появившийся вчера, никак на Митины дела не повлиял, в голове у Мити не укладывалось. Но ведь было именно так. Мите померещилось, будто что-то страшное пролетело мимо него. Он не понимал, как дальше быть, понимал только одно — Глазومیцкого, на которого как на преподавателя, как на взрослого он

«РИСОВАЛ А. ЗУБОВ»

(К рисункам на 2-й и 3-й страницах обложки)

«Быют челом бедные и беспомощные сироты иконописца Фёдора Евтихеева сына Зубова детишка его Ивашко да Алёшка Зубовы... Отца нашего не стало, а мы, сироты ваши, остались с матерью своею со вдовою Акулиною да с двумя сёстрами в малых лет... Пожалуйте нас сирот своих — велите нам быть в Оружейные Палаты в учениках». Вот так в челобитной царям Иоанну и Петру Алексеевичам было впервые упомянуто имя Алексея Зубова. К просьбе сирот отнеслись с сочувствием, и они были определены «в учение иконного художества». В ту пору Алексею Зубову было от роду 7 лет.

Историки будут нередко встречать имя Алексея Зубова в архивных документах, но восстановить биографию замечательного художника и гравёра полностью окажется делом невозможным, и о многих событиях его жизни будут строить лишь догадки и предположения. К счастью, время сохранило для потомков основное — гравюры, которые мастер подписывал лаконично и скромно: «Рисовал А. Зубов».

Алексей Зубов был прекрасным художником, но искусствоведы называют его

надеялся, которому как взрослому верил, с которым у него существовало гораздо большее, чем уговор, с которым существовало понимание без слов, — на этого Глазوميцкого надеяться больше нельзя. То есть Глазوميцкий попросту бросил его... А что теперь? Время упущено! Не отвратимая ничем впереди маячила четвертная тройка. Какая уж там медаль... Но как же, как же это так?! Как Глазوميцкий мог бросить его? Ведь он один знал всё о Митиных математических занятиях, ведь это он четыре года подряд давал Мите и ещё троим-четверым в их роте особые домашние задания, это он направлял Митю на ежегодные олимпиады. И не бабушке, не лейтенанту Тулунбаеву и не Папе Карло или Васильеву Митя торопился показать олимпиадные грамоты, а именно за лицом Глазوميцкого следил, когда тот брал эти грамоты в руки. Никогда никого не хвалил Глазوميцкий, но губы его, уголки губ... Как они восхитительно у него начинали подрагивать вверх, как сверкали его воспалённые, обведённые кругами глаза, когда Митя приносил ему эти грамоты!.. И ещё вспомнил сейчас Митя, как Глазوميцкий, стоя у доски, говорит:

— Задаю совершенно непосильную вам задачу, задачу не по возрасту, задаю просто потому, что некоторые здесь уже думают, будто могут решить любую...

А потом он обходил класс и заглядывал в тетрадки. И, остановив-

шись за Митиной спиной, сопел минуту, а потом будто бы с тоской говорил:

— Нелидов! Что мне с вами делать?

И у Мити перехватывало дыхание: значит, верно! Верно! Так было три или четыре раза, но было же! Было! Так что же означал тот огонь, который Митя видел тогда в глазах Глазوميцкого? Всё враньё? И теперь Глазوميцкому уже наплевать на Митю? Так? «Обманщик, врун, — твердил Митя, — четыре года мне врал...» Талый снег доучилищного детства, картинка из сказок вспомнилась Мите: человек в колпаке с бубенчиками, высоко по-клоунски задирая деревянные башмаки, уводил, играя на дудочке, радостных детей в чёрную дыру подземелья... Это Глазوميцкий, Глазوميцкий четыре года играл ему на дудочке: вот оно, обещание будущего, которого теперь не будет. «Врун... Зачем? Зачем?»

А на следующий день к ним на урок снова пришёл «коричневый» и первым делом сообщил, что придётся им его ещё потерпеть, потому что только с новой четверти у них будет постоянный преподаватель. Затем «коричневый» раскрыл журнал и долго в него смотрел. Потом поднял глаза на Митю. Митя сжался. Всё в голове перемешалось, и ему стало казаться, что не тройки в четверти добивается для него

также и «первым поэтом Петербурга». Он рисовал его — вдохновенно. Он первым из художников почувствовал и передал неповторимую красоту силуэта Петербурга, поэзию нового города.

Мы напечатали на 2-й и 3-й страницах журнала фрагменты знаменитой гравюры Алексея Зубова «Панорама Петербурга». Присмотритесь к ней внимательно: перед тобой исторический документ, именно так выглядел наш город в 1716 году. А особенности снаряжения и корабельной оснастки переданы у художника с чертёжной точностью.

Пётр I строил новую столицу прежде всего как военную крепость и морской порт. «Россия входила в Европу, — напишет позднее А. С. Пушкин, — как спущенный корабль, при стуке топора и грома пушек». Такой изображена она и у Алексея Зубова: на Неве морской парад, торжественный и пышный праздник в честь побед в баталиях на суше и на море.

Историки утверждают, что гравюра Алексея Зубова «Панорама Петербурга» была преподнесена Петру I как лучший образец русского гравировального искусства и вызвала у царя одобрение.

этот человек, а двойки. Ещё вчера это показалось бы Мите совершенно невозможным, а сейчас... Сейчас возможным было всё. «Коричневый» опять посмотрел в журнал и опять перевёл глаза на Митю. В классе висела напряжённая тишина.

— Признаться, впервые такое вижу,— сообщил «коричневый».

Что именно он в журнале видит, Мите было ясно, не ясно только, для чего надо ещё куражиться.

На этом уроке «коричневый» Митю не вызвал, а когда увидел, что Митя поднял руку, желая ответить на заданный классу вопрос, вдруг вышел из себя:

— Да уж вы-то теперь успокоились бы. Вам-то что руку тянуть?

Смысл того, о чём говорил «коричневый» преподаватель, стал понятен Мите только тогда, когда после занятий его вызвали в канцелярию командира роты.

Преподавателей в канцелярии не было, только Васильев и Тулунбаев. Офицеры молчали. На лицах у них ничего нельзя было прочесть.

— Полюбуйтесь,— сказал Васильев и показал на классный журнал, лежащий на столе. Это был журнал Митиного взвода, раскрытый на странице математики.

— Посмотрите, посмотрите,— сказал Васильев.

Свободных клеток против Митиной фамилии больше не было. Впритык к двум роковым двойкам вся строка была заполнена аккуратно выведенными пятёрками. После каждой пятёрки стояла уходящая хвостом на нижнюю строку роспись: «Гл» — и хвост, «Гл» — и хвост. «Спасён! Спасён! Спасён!»

— Глазوميцкий позавчера с вами разговаривал? Проверял ваши знания? Вызывал вас?

Митя вскинул глаза на Васильева. «Знает ведь всё. Зачем же спрашивать?» Но командир роты смотрел не на Митю, а куда-то мимо него.

— Значит, не вызывал,— сказал Васильев.— Вот такие у нас чудеса творятся, товарищ Тулун-

баев. Нелидов, а как вы сами всё это понимаете?

Ну что Митя мог ему ответить? Кроме того, что он спасён?

— Наверное, он хотел помочь мне...

Рассказывать им, о чём все эти дни думал? Как уже прощался со своей мечтой поступить в Дзержинку? Как всё у него вылетало из головы, едва он видел вдаль в коридоре коричневый костюм...

— Мы внимательно слушаем вас,— сказал Васильев.

— Я четыре года занимался у него математикой...— тихо сказал Митя.— Гораздо шире программы. Наверное, поэтому. Он замечательно ведёт математику... А когда он вернётся?

— Вы свободны,— сказал Васильев.

— А почему всё же...— начал Митя, но командир роты поднял брови и посмотрел сначала на Митю, а потом на его командира взвода. Митя повернулся, чтобы выйти, и лишь когда он уже был у самой двери, Васильев вдруг спросил:

— Подойти-то позавчера к нему не догадался?

Как трудно было, оказывается, снова повернуться к этим двум офицерам лицом!

— Он же... не вызывал меня...

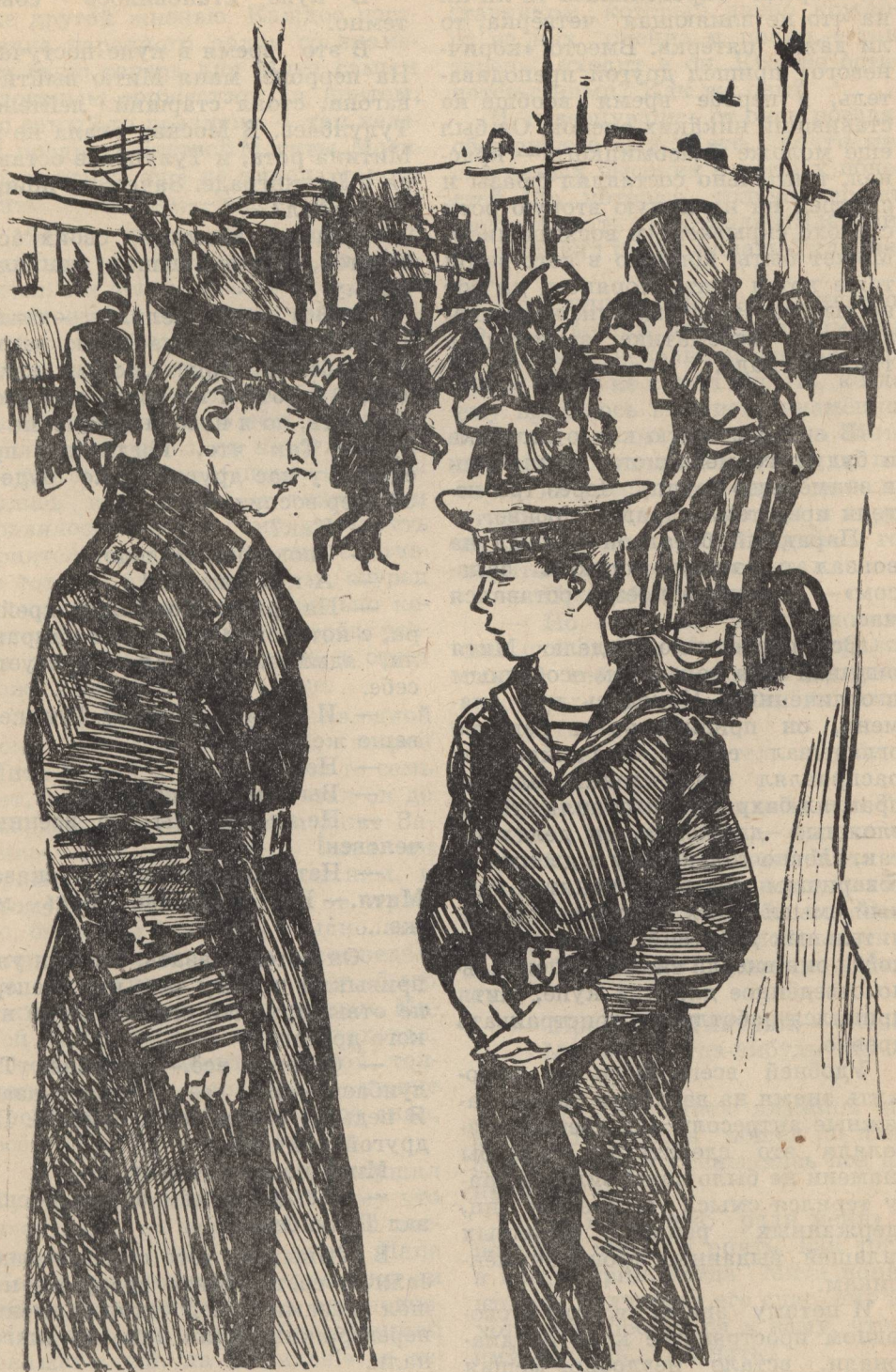
— А-а...— простовато и уничтожающе протянул Васильев.— Не вызывал? А я-то думаю... Ну, всё правильно, Нелидов! Зачем приходить, если не вызывают? Кстати, старший лейтенант, а самого Глазوميцкого кто сюда вызывал позавчера? Что-то никак понять не могу — зачем он приходил?

Митю так и пробило — да, да, именно так: Тулунбаев дал знать Глазوميцкому — кто ещё! Тулунбаев спас Митю. Митя стоял в дверях, готовый кинуться к старшему лейтенанту... Никогда, никогда в жизни Митя не забудет ему этого!

— Идите!— сказал Васильев.— Нелидов, вы что, не слышите?!

Из-за частотола пятёрок Митю больше не спрашивали, и в четвер-

«— Так что, когда ты приедешь, у вас другой уже будет... офицер-воспитатель».

ти впереди определилась то ли ни на что не влияющая четвёрка, то ли даже пятёрка. Вместо «коричневого» пришёл другой преподаватель, в первое время вообще не ставивший никаких оценок. Он был ещё моложе Глазмицкого — краснел, тщательно составлял фразы и смотрел на их лихую вторую роту с плохо скрываемым восхищением. Может быть, когда-то в детстве он тоже хотел стать моряком, да вот не вышло. Впрочем, они, надо сказать, по математике занимались так, как надо.

В октябре Митю как отличника и будущего медалиста назначили в знамённую группу. Через три недели предстоял парад в Москве.

Парадный батальон прибыл на вокзал с «военно-морским запахом» — до отхода поезда оставался час.

Всю последнюю неделю Митя ощущал себя человеком особенным и отличённым. Находясь при знамени, он придирчиво и ревниво оглядывал его, с наслаждением расправлял его складки или поправлял бахромку. Выполняя эти несложные движения, он делал их так, словно только ему и двоим его товарищам мог быть понятен тайный смысл этих простых и незначительных действий. Вот и сейчас, когда они внесли знамя в специально отведённое для них купе, Митя принялся заботливо пристраивать древко.

Удобней всего было бы положить знамя на верхнюю полку, багажные антресоли над дверью позволяли это сделать, но тогда бы знамени не было даже видно и сразу терялся смысл серьёзных лиц, сдержанных реплик, парадных палашей, выданных троим знамёнщикам.

И потому знамя встало в свободном пространстве купе по диагонали, встало неудобно, мешая каждому движению в купе, но за это неудобство Митя и два его ассистента отдали бы все удобства на свете.

В купе становилось совсем темно.

В это время в купе постучали. На перроне, маня Митю выйти из вагона, стоял старший лейтенант Тулунбаев. В Москву ехала не вся Митина рота, и Тулунбаев оставался в Ленинграде. Зачем он пришёл на вокзал?

Оставив знамя на своих ассистентов, Митя вышел на платформу.

— Вот что, Нелидов, — сказал Тулунбаев, глядя на Митю каким-то особенно пристальным взглядом, — в роте я не хотел ещё этого говорить, но я новое назначение получаю. Так что, когда ты приедешь, у вас другой уже будет... офицер-воспитатель.

— Как?

— Спокойно, Нелидов.

— А куда же вы?

— На флот. Командир крейсера, с которого меня к вам направили, адмиралом стал... Требуется себе.

— И вы что, уйдёте? Тут же и ваше желание...

— Не-ли-дов.

— Вы сами хотите? Да?

— Не-ли-дов! Ты же военный человек!

— Нет, я не понимаю, — сказал Митя. — Не понимаю. Ведь мы же...

Он хотел сказать, что они уже привыкли к нему так, что теперь не отвыкнут, что они не хотят никого другого.

— Об этом всё, — произнёс Тулунбаев. — Ну, всё, я тебе сказал. Я ведь не затем сюда пришёл. По другой причине.

Митя поднял голову.

— Ты кое о чём забыл, — сказал Тулунбаев.

В тёмных до того окнах поезда зажгли свет — Митя сразу же нашёл глазами серый чехол знамени, перегородивший купе по диагонали.

— Забыл в такое время, когда забывать нельзя, — сказал Тулунбаев.

Митя слушал старшего лейте-

нанта и не слышал его. Он жил уже другой жизнью. Каждое построение парадного полка со знаменем было теперь для Мити самым радостным торжеством, и притом, что самый-то праздник — три недели предпраздничной Москвы, Москвы, которая ещё не видела такого Митю Нелидова, — ещё предстоял.

Митя невольно и радостно вздохнул и в то же время нахмурился. Их теперь было два Мити Нелидова, их всё время теперь было двое. Одному шёл семнадцатый год, всё у него получалось, никого и ничего ему в жизни не было жалко, ни о ком и ни о чём, кроме себя любименького, он не думал, руки и плечи у этого первого становились всё крепче и тяжелей, и нравилось теперь ему хлопнуть приятеля невзначай по спине, отчето тот как будто целиком огурец сразу глотал и делал невольно короткий и быстрый шаг вперёд, чтобы не упасть. И, конечно, в ответ тоже хлопал тебя по спине.

Но существовал тут же, в одной коже с первым, и другой, второй Митя Нелидов. Этому было то семь лет, то, напротив, — достигал он до возраста Тулунбаева или даже Васильева, но чаще всего бывал он примерно одиннадцатилетним, и этому второму, в отличие от первого, бывало и больно, и стыдно, этот второй прислушивался и сомневался, и труднее всего ему было ужиться именно с тем, первым, Митей Нелидовым. А первый хохотал, потел, любил мериться силой, толкался, плохо запоминал чужие слова. Он ведь, первый-то, всё знал, всё умел. Что ему другие?

А второй Митя сейчас слушал Тулунбаева с печалью. Потому что наступала, он понимал, пора расставаний — ушёл от них Папа Карло, непонятно уже, услышит ли Митя когда-нибудь, как остановившийся за его спиной Глазмицкий скажет: «Ай, да Нелидов!», а теперь вот, оказывается, и старший лейтенант, которого они считали сначала сухарём, потом коварным соперником в единоборстве и, на-

конец, чуть не единственным наставником, который давно каждого из них оценил и понял, — так теперь уходит и он. Кто же останется с ними? Как же они?

И, отвернувшись от окон поезда, обещающего ему, Мите, почти месяц самых высоких строевых почестей, на которые только может рассчитывать шестнадцатилетний, он заставил себя слушать Тулунбаева.

Но слушать было уже нечего. То ли старший лейтенант заметил выражение невольной досады, которое Митя не сумел скрыть, когда ему пришлось выйти из знаменного купе, то ли разглядел в Мите так тщательно им скрываемую потерю интереса ко всему, что не относится сейчас к Москве и параду, но только ничего Тулунбаев говорить Мите больше не стал.

— Прощай, Нелидов.

— Но вы ведь что-то хотели мне сказать... — Митя продирался сквозь себя новенького. Палаши, оркестры, знамя... Он не смог продраться.

— То, что я хотел, я тебе и сказал.

Мите вдруг показалось, что Тулунбаев размышляет — подать ли ему, Мите, руку. И хотя Митя не знал за собой ничего, за что кто бы то ни было отказался бы подавать ему руку, он весь сжался.

Но Тулунбаев протянул Мите руку.

— Прощай, Дмитрий, — сказал он. — Может, когда-нибудь да и встретимся.

И, опавнув Митю влажной шинелью, Тулунбаев пошёл по платформе, быстро уменьшаясь под фонарями.

«Так вы только ради меня», — подумал Митя, и опять, как тогда в канцелярии, когда Митя понял, что это Тулунбаев его спас, ему захотелось броситься к нему, что-то ему сказать... Догнать?

— По вагонам! — кричал, пробегая по платформе, подпоясанный кобурой офицер строевого отдела. — Всем по вагонам!

В течение трёх недель в Москве Митя постоянно вспоминал Тулунбаева. То есть не какие-то давние, связанные с ним эпизоды, а именно этот его приход к поезду и эти слова старшего лейтенанта о Митиной забывчивости. Вот маршируют на набережной под Крымским мостом парадные шеренги, а знамённые стоят в стороне, отдыхая, и перед Митей лицо Тулунбаева. Вот ввязался Митя в дурацкий спор на вечную тему: какой город лучше — Ленинград или Москва, и Митя вдруг не город свой видит перед собой, а опять того же Тулунбаева. Вот едет Митя с другими нахимовцами из театра в кузове голубого, затянутого брезентом «форда» — а Тулунбаев тут как тут.

— Забыл ты кое о чём, — говорит Тулунбаев. — Забыл.

Слова эти — Митя поворачивал их и так и сяк — могли относиться лишь к одному, к тому, что Митя

забыл о Глазوميцком.

Но он не забыл... Просто некогда было, перед парадом вообще всё шло кувырком — и своё собственное, и училищное, — всё, кроме подготовки к параду. На подготовку уходило всё время, все силы, весь напруг души. «Вот вернёмся из Москвы, — думал Митя, — вот вернёмся...» Он узнает сразу же адрес и телефон. Правда, Глазوميцкий к тому времени, конечно, уже выздоровеет. И будет снова у них преподавать...

От такого очевидного упрощения будущих забот у Мити на душе становилось привычно спокойно. Только глаза почему-то при этом ехали немного в сторону да никому ничего не хотелось рассказывать.

Ну, да всё наладится.

На другой же день после того, как парадный полк вернулся из Москвы, Митя узнал, что Глазوميцкий неделю назад умер.

МАЛЕНЬКОЕ ИНТЕРВЬЮ ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Мы только что узнали, что главой «Два прощания» Михаил Глинка завершил публикацию своей повести «Петровская набережная».

— Как же так, Михаил Сергеевич? Вы опять оборвали сюжет на самом интересном месте! Что же станет с Митей Нелидовым дальше?

— А в жизни как! Разве в жизни можно найти начало и конец тех историй, которые происходят с вами, со мной или с нашими друзьями! Завершённые, досказанные истории нам привычнее, ими полна литература. Но посмотрите вокруг себя, найдите хотя бы пять, даже не пять, а три или даже одну историю из жизни окружающих вас людей, чтобы она могла без подстругиваний и добавлений составить рассказ или повесть. Ну-ка, поищите!

И потом, завершить публикацию меня подтолкнуло название главы. Пусть это будет и моим прощанием с читателями «Искорки». Нет-нет, не навсегда. Мы опять встретимся, как только я напишу новую повесть.

— Мы будем терпеливо ждать вашу новую повесть, но сейчас поговорим немного о «Петровской набережной». Митя Нелидов — будущий моряк. А моря у вас в повести мало. Почему?

— Насколько я это понимаю, одно с другим далеко не всегда связано. Например, Навигацкая школа, первое морское заведение в России, вообще находилась в Москве, и, однако, из неё вышло много замечательных моряков. А потом — Митю готовят к тому, чтобы он стал в первую очередь человеком. И уж затем — моряком.

— А что в Мите Нелидове — литературный персонаж, и что — автор? Ведь Михаил Глинка — тоже воспитанник Нахимовского училища...

— Митя Нелидов симпатичен автору, и автор этой симпатии не скрывает, да и не может скрыть. В то же время в реальных воспоминаниях об отрочестве сам автор предстаёт перед собой не всегда вызывающим симпатию. Наверное, к моим воспоминаниям присоединилась ещё мечта. Мечта, обращённая в прошлое. Митя Нелидов — это тот мальчик, каким бы я хотел видеть себя в прошлом.

— Что же пригодилось Мите Нелидову в жизни? Что он взял с собой из училища во взрослую жизнь?

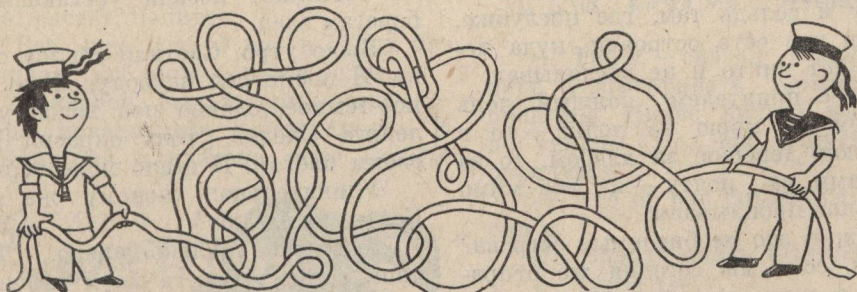
— Всё. Тут автор смело подменяет литературного Митю Нелидова самим собой. Конечно, я говорю сейчас не о математике, которую, кстати, в Нахимовском преподавали особенно крепко, не об истории и литературе, которыми я занимался более внимательно, чем другими предметами... Я жил тогда очень полно, всеми чувствами. Отрочество — это как захватившая тебя книга, разве, глотая её, ты разберёшься сразу, что к чему? Лишь с годами я понял, что именно в отрочестве проходишь и школу, и университет чувств и ощущений. Наверное, дети от десяти до пятнадцати и взрослеют так стремительно потому, что они горячо, гораздо горячее взрослых, чувствуют правду и неправду, справедливость и несправедливость, добро и зло... Вот вы были в театре и увидели прекрасный спектакль, который вас захватил, потряс. Для чего вам в будущей жизни это потрясение? К чему его пристроить! Как обернуть в практическую пользу? И что такое — практическая польза? А может быть, узнать о себе, что же именно ты горячо любишь, а что ненавидишь — это и есть самая необходимая практическая польза! Так что человек берёт из отрочества всё. Абсолютно всё...

— И всё-таки, что же будет с Митей Нелидовым дальше? Чем повесть кончится?

— В издательстве «Детская литература» в 1987 году выйдет моя книга «Петровская набережная». Из неё-то и можно будет узнать и про Митю Нелидова, и про его товарищей.

узелок

Рис. Д. МАЙСТРЕНКО
Текст Ю. БУКОВА

СКОЛЬКО УЗЛОВ!

Два моряка соревновались в перетягивании каната. Вначале побеждал матрос, который на рисунке стоит слева. Потом — матрос, который справа. Потом силачи очень долго тянули на равных, устали и канат выпал у них из рук.

Посчитай — сколько узлов завязалось на канате!

Три „альп-узла“

Если целый год считать, всё равно не сосчитаешь, сколько на Белом море островов. Даже если и карту разглядывать, тоже не сосчитаешь. Есть такие островки, что их и на карте нет. Такие они маленькие.

Островов столько, что некоторым даже и названий не хватило. Вот так и стоят они в море без имени. Местные жители — поморы — называют их просто лудами.

Луды бывают совсем маленькие. Только огромные валуны торчат из воды. На этих валунах примостились две-три сосенки. Вот и весь остров. Шагов десять по нему можно сделать — не больше. Моряки по Белому морю плывут, луды обходят стороной. Возле луд мелко и много много камней. Ударится судно о камни — беда. Рыбаки к лудам тоже близко не подходят. Они ловят треску и сельдь там, где поглубже.

Так что есть островки, куда десятки лет никто и не заглядывал.

Мы с приятелем каждый день плаваем по морю на лодке — то в соседнюю деревню за хлебом, то за письмами на почту — и всё мимо островков проплываем.

Может, это необитаемые острова? Может, если мы сегодня же отправимся в путь, мы станем первыми людьми, ступившими на остров? А может, нам повезёт и мы найдём какой-нибудь не простой остров, а остров Сокровищ?

Нам очень хотелось найти остров Сокровищ. И однажды мы отправились в путь.

Мы залили полный бак бензина.

Ещё один бак — запасной — поставили на дно лодки. Взяли большие брезентовые плащи, чтобы не промокнуть, если пойдёт дождь. Ещё мы взяли рюкзак с едой, маску, ласты, трубку и фотоаппарат.

Мотор завёлся сразу же, хотя обычно он капризничает. Видно, лодке тоже хотелось поскорее причалить к острову Сокровищ.

Только отошли от берега, смотрим — в нашей лодке ещё один пассажир. Черныш. Мы и не заметили, как он в лодку прыгнул. Любопытный у нас пёс. Любит путешествовать.

Мы вышли из бухты и удивились: какое море тихое. Гладкое — ни одной волны. Только наша моторка оставляет позади убегающий к берегам след.

Было утро. Светило тёплое солнце. Я посмотрел на воду. Море тёмное-тёмное, словно под водой уголь лежит. Словно уголь окрасил море своим цветом. И стало море чёрным.

Удивительно: почему же море Белым называют?

А видно далеко-далеко. Даже наш домик у берега моря виден.

В домике живут биологи. Зимой они работают в Ленинграде, а летом выезжают «в поле». На Белом море они изучают рыб и называют Белое море тоже почему-то полем. По привычке, наверное.

Мой приятель Володя — биолог. Но если вы его на улице в Ленинграде встретите, то никогда не дога-

даётся, кто он. Такой он огромный, широкоплечий, что скорее на шахтёра похож или на грузчика. Кажется, что он всё время занят какой-то тяжёлой работой. Так на самом деле и есть. Биологу тоже нужна сила. Они, как и рыбаки, рыбу ловят тралом. Володя один может тяжёлый трал вытащить. А если его нет у трала, то двое-трое с трудом тянут.

Володя умеет всё — и костёр мигом разжечь, и моторкой управлять, и под водой плавать. Даже дом построить он может. Вот тот дом, где сейчас живут биологи, Володя строил года три назад. Так что Володя и плотником может работать. И механиком — он любой мотор починит. Володя говорит, что всему этому его научило «поле». И самая большая похвала у Володи: «Он парень рукодельный».

Пока я вам о Володе рассказывал, даже не заметил, как солнце скрылось. И домик наш исчез — так мы далеко уплыли.

Вдруг нашу лодку высоко подбросило. Бух — бух — бух! И брызги в разные стороны. Это наша лодка ударилась днищем обо что-то твёрдое.

Посмотрели мы вокруг — волн целое войско. И каждая несёт на своей спине белый гребень — барашка.

Барашек катится вместе с волной, растёт, пенится.

Всё море вокруг нас в таких барашках. Всё море — белое-белое.

Наверное, был шторм, когда поморы искали имя своему морю. В шторм они и назвали море Белым.

А как найдёшь среди десятков островков остров Сокровищ? Где он? Какой?

Мы плыли по Белому морю, обходили маленькие островки. И вдруг Володя сказал:

— Смотри, вон он.

И я увидел впереди остров. Бе-

рега его были высоки. Огромные валуны упирались в море, словно островок на себе держали. Деревья росли прямо на камнях, и корни их уходили в расщелины.

Мы подошли к берегу, заглушили мотор, и лодка упёрлась носом в камни. Я выпрыгнул на берег, на высокий камень, и поскользнулся. Нога съехала в воду, кеды тут же промокли.

И вдруг надо мной кто-то прокричал:

— Ха-ха-ха-ха.

Надо мной кто-то смеялся. Я удивился и посмотрел вверх.

Надо мной было только небо, а в небе кружила маленькая птичка, похожая на чайку.

Я посмотрел на птицу, а она снова:

— Ха-ха-ха.

Словно смеялась, какой я неуклюжий.

Мне стало обидно: «Тоже мне, хохотунья нашлась». А Володя посмотрел на птицу и сказал:

— Ты на неё не обижайся. Она надо всеми смеётся. Она так и зовётся — хохотунья.

Здорово! Не успели мы ступить на остров, а над нами уже смеются.

— Тише, — сказал Володя. — Теперь разговаривать можно только шёпотом. Иначе ничего на острове не увидим. Все нас испугаются и спрячутся.

— Кто от нас спрячется? — спросил я.

Но Володя опять цыкнул:

— Тише ты.

И он двинулся вперёд, стараясь ступать так, чтобы ни одна ветка под ногами не хрустнула. Я никогда не думал, что такой богатырь, как Володя, может так бесшумно и легко ходить.

Даже Черныш притих — голоса не подавал.

Володя отыскивал что-то в кус-

тах, возле корней берёз и в расщелинах каменных глыб.

И вдруг из-под Володиных ног выпорхнула большая, коричневая в крапинку утка. Она забила крыльями, поднялась над деревьями и полетела к берегу, к воде.

— Нам здорово повезло, — прошептал Володя. — Смотри под ноги внимательно — где-то здесь гнездо.

Прежде чем сделать шаг, Володя рассматривал каждый камешек, каждую травинку. И вдруг позвал меня:

— Смотри.

Между камнем и корнями берёзы на мягкой подушке из травы, мха и пуха лежали пять яиц. Большие — раза в два крупнее куриных. Только не белые, а голубовато-серые.

Если бы не Володя, я бы гнездо никогда не заметил.

А гага села на воду, и тут же, откуда ни возмись, к ней прилетела ещё одна утка — такой же длинный клюв, большие крылья. Только расцветка совсем другая. Спина белая, крылья белые, а по краям крыльев чёрная полоса.

— Это отец будущих утят, — сказал Володя. — Он всегда поблизости держится, чтобы защитить гагу.

Они плыли рядом, и, видно, гага ему на нас пожаловалась:

— Пришли двое, да с ними ещё собака, и согнали меня с гнезда. Как бы яички не остыли.

Черныш захотел понюхать яйца, но Володя щёлкнул его по носу, и пёс обиделся. Уселся возле гнезда на задние лапы, — «меня, мол, вовсе не интересует, чем вы тут занимаетесь».

— Пойдём отсюда скорее, — сказал Володя. — Не будем птиц огорчать.

И только мы отошли шагов на десять, как поднялась с воды гага, сделала круг, пролетев над водой низко-низко, потом поднялась над островом, над деревьями и упала вниз.

— Села на гнездо, — сказал Володя.

Оказывается, гага всё время за нами следила, ждала, когда мы отой-

дём. Беспокоилась, не тронем ли мы её яйца.

— Знаешь, — сказал Володя, — однажды гага здорово меня выручила.

— Как тебя, такого большого, может выручить маленькая утка? — рассмеялся я.

— А вот послушай.

И Володя рассказал мне такую историю.

В прошлом году был он на ледяном континенте — в Антарктиде. Это целое царство сплошного льда. Даже земля редко проглядывает из-подо льда. Люди ходят по льду, ставят на льду домики, и самолёты поднимаются в небо тоже со льда.

А ещё Антарктиду называют самым холодным континентом на Земле. Там бывает даже 80 градусов мороза.

На таком морозе металл становится хрупким, как стекло. Володя однажды ударил по бочке с бензином молотком, и бочка разбилась. А бензин не вытек. Он на морозе твёрдый, как камень.

Ртуть в термометре, и та замерзает, в лёд превращается.

В этой стране льда и холода Володя работал целый год. Антарктида для него была тоже полем. Полем, где он изучал разных животных.

Однажды вышел Володя из домика. Мороз был такой, что, если глаза на секунду закрыть, ресницы смёрзнутся. Пока в тепло не зайдёшь, будешь ходить, как слепой.

Вышел Володя из домика и видит — возле крыльца птица большая. Поморник. Из сил выбилась. На снегу лежит. Крыльями бьёт, а взлететь не может.

Володя сходил на кухню, взял кусок мяса и отнёс поморнику. Птица съела мясо.

Каждый день в любой мороз Володя относил поморнику еду. А однажды он вышел из дома и помор-

ника не нашёл. Володя испугался. У поморника сил ещё мало. Может, взлетел, а в небо подняться не смог и упал где-нибудь поблизости.

Володя пошёл искать птицу. Он уже подошёл к склону горы, чтобы вниз заглянуть. И вдруг поскользнулся и покати́лся кубарем вниз.

Очу́тился Володя в огромном сугробе. Поднялся и увидел, что не разбился чудом, — над ним была отвесная стена льда.

Два часа добирался Володя до станции. И не замёрз. Потому что были у Володи штаны и куртка из гагачьего пуха. Это самая тёплая на свете одежда. Тёплая и лёгкая — в ней удобно даже по Антарктиде шагать. А собирают этот пух на Белом море, когда гага с птенцами покидает своё уютное гнездо.

Когда Володя добрался до станции, то снял льдинки с бороды, отогрелся и сказал:

— Спасибо гаге. Выручила меня.

А поморника как ни искал — не нашёл. Наверно, окреп и улетел к морю.

— А бороду такую ты тоже в Антарктиде отрастил? — спросил я у Володи. У него была огромная борода — густая, рыжая.

— Нет, бороду я отрастил в тундре. Там комаров — тучи. Вот я и отрастил бороду — комаров вылавливать. Они на бороду сядут и тут же в ней, как в сетях, запутаются.

Идём мы с Володей по острову. Слушаю я его рассказ. И вдруг кто-то шмыг с кочки и наутёк от нас. Только задние лапы между деревьев мелькают да уши торчком стоят.

— Косой, ты как тут оказался? — даже удивился Володя. Сели мы у берега и стали думать, как очутился заяц на острове посреди моря.

Видать, прибежал он сюда весной, когда всё море было сковано льдом. Прибежал с берега, из леса. По дороге так продрог, что решил

отогреться на луде, здесь от ветра можно за камнями да за деревьями спрятаться. А когда домой собрался, подбежал к берегу, смотрит — дорожки-то и нет. Всюду вода. Отошли льды от берега.

Пожалел заяц, что не умеет плавать.

На Белом море часто так бывает. Утром всё море ещё льдом сковано, а к вечеру льды разломаются и отойдут от берега.

И погода на Белом море меняется часто. Собирались мы на остров — солнце светило. Плыли на лодке — шторм начался, тучи над нами повисли. А вот сейчас снова тишина и солнце греет.

Мы встали и вдруг зайчишку увидели. Он тоже на берегу сидел — грелся.

— На луде косой не пропадёт, — сказал Володя. — Тут еды ему хватит. А зимой лёд станет — он в лес убежит.

Шли мы по берегу и вдруг увидели среди сосен много-много камней: они почти выросли в землю, и сосны оплетали их своими корнями.

Володя встал как вкопанный.

— Знаешь, что мы нашли? — спросил он.

— Ясно что — камни.

— Н-е-т, — загадочно протянул Володя. — Мы с тобой нашли не простые камни.

— Драгоценные? — обрадовался я. Володя даже обиделся:

— Ты ничего не понимаешь. Мы нашли древний лабиринт.

Володя таким тоном это сказал, что я понял: мы нашли что-то здорово интересное.

— Знаешь, что такое лабиринт? — спросил Володя.

— Это игра такая, — ответил я. — Блуждаешь разными коридорами, проходишь, а выхода найти не можешь.

— Так вот, представляешь, много-много лет назад люди построили на этом острове лабиринт. Этим лабиринтом ловили рыбу — треску, сельдь.

Я даже рассмеялся. Володя, конечно, много всего интересного знает и птиц даже умеет по голосам различать, но иногда такое скажет... Ну как могут камни рыбу ловить? К тому же они на берегу лежат и над водой здорово возвышаются. Наверно, даже Володя не смог бы от края берега до самого ближнего камня дотянуться.

А он моего смеха, казалось, и не заметил.

— Значит так, — сказал Володя. — Объясняю для несообразительных. Когда-то волны свободно гуляли там, где мы сейчас стоим. В часы прилива море всё прибывало и прибывало, и эти камни оказывались в воде. Среди этих сложенных из камней стен плавали рыбы. Но вот наступал час отлива. Море уходило, и лабиринт оказывался на суше. А все проходы в нём запутаны, — сразу не выберешься. И рыба не успевала найти выход из этих каменных джунглей. Что оставалось сделать людям? Правильно. Пройти, поднять рыбину с земли и кинуть в котёл.

— А я-то думал, что рыбу можно ловить только удочкой или сетью.

Пока мы разглядывали лабиринт, наступил час отлива. Море уходило всё дальше и дальше от берега.

Там, где ещё час назад была вода, на камнях остались лишь её следы.

Камни были мокрыми и тёмными от воды.

Но вскоре и следы исчезли. Их стёрло солнце.

Камни стали светлыми. На них даже седина выступила.

Я лизнул камень языком. Он вовсе не седой. Он был просто очень солёный. Даже кончик языка зашипило.

А Черныш лизнул — и сразу плеваться начал.

Володя снял висевшую на поясе фляжку и дал мне глотнуть. Потом он плеснул мне в ладони, и я дал напиться Чернышу.

Черныш напился и уселся на берегу.

Сидит, смотрит на море. А море тихое-тихое, гладкое-гладкое. Только вдали бревно виднеется.

Плывёт бревно по морю. Видно, давно плывёт — бревно белое, без коры.

Я взял у Володи бинокль.

А на бревне бугор шевелится. Даже носом в разные стороны поводит.

И вовсе это не бугор. Это тюлень маленький. Он на бревне катается, на солнце греется. Сам весь беленький, только чёрные пятнышки на спине разбросаны. И нос тоже чёрный.

Тут Черныш вдруг залаял.

Тюлень с бревна скатился — только круги в разные стороны разошлись.

— Он под водой может долго плавать, — сказал Володя. — Не знаешь, в какую сторону поплыл.

Черныш умолк. Видно, пожалел, что тюленя спугнул.

Володя Черныша отругал:

— Ну что же ты, глупый пёс, лаешь. Я же тебя предупреждал — голоса не подавай.

Черныш хвостом виляет — извиняется.

И вдруг под самым берегом высунулась тюленья мордочка. Усами шевелит, плывёт — отдувается. Чёрным носом воду рассекает — волны лучами расходятся.

Плывёт прямо к нам.

Черныш даже замер. А потом вдруг кинулся в воду и поплыл к тюленю.

А тот в воде вертится как ни в чём не бывало.

Вот уже Чернышу совсем немного до тюленя осталось. Вдруг тюлень на солнце своим белым брюшком мелькнул, перекувырнулся и исчез. Ушёл на глубину.

Черныш головой во все стороны вертит. Не может понять, куда делся его новый знакомый. Пришлось ему возвращаться на берег, отряхиваться и сушиться.

Только он рядом с нами уселся, тюленёнок снова появился. Бултыхается. Хочет, чтобы мы увидели, как он хорошо плавает.

Потом наш знакомый снова исчез. Мы думали, он опять где-нибудь поблизости вынырнет. А высунулся он из воды так далеко от острова, что мы сразу его и не заметили.

Только бугорок торчит вдали из моря. Двигается, и от него круги расходятся.

Вот только так мы и догадались, что это тюлень.

Берег острова крутой, каменный. Огромные валуны уходят под воду.

Смотришь на эти громадные камни — серые, прожжённые солнцем, — и кажется, что земля наша очень тяжёлая.

Спины камней давным-давно мхом поросли. На их спинах уже высокие сосны выросли.

Сосны стоят крепко, прямо.

Где они силу берут — с ветром

бороться?

Наверное, у камней они силу берут.

Сколько под водой на камнях всяких жителей! Ракушки, водоросли.

Я нырнул поглубже и увидел на каменной глыбе ярко-оранжевый цветок. Бутон огромный. Даже ладонью не накроешь. А лепестки, как у ромашки, — во все стороны расходятся.

Только рукой до него дотронулся — он весь съёжился, словно от боли. Спрятал лепестки, втянул их в себя.

Это вовсе и не цветок. Это какое-то морское животное.

Я попытался взять его рукой. Не смог. Так крепко уцепилось оно за камень.

Хорошо, что у меня на поясе нож был. Я чиркнул ножом по камню, цветок отвалился.

Взял его в ладонь — холодный, бархатистый.

Выбрался из воды, сел на камень и показал свою находку Володе.

— Это актиния, — сказал Володя. — Очень красивое животное. Видел щупальца? Ими актиния себе пищу добывает — мелких рачков, рыбёшек ловит.

Я набрал в банку морской воды. Опустил туда актинию. Она выпрямилась, выпустила свои щупальца-лепестки. Распустился в банке цветок.

Я снова надел маску и ушёл под воду.

Нырнул в самые заросли морской капусты. Стебли высокие — с человеческий рост. Листья большие — как у подсолнухов. Только листья не зелёные, а коричневатые — как будто они в воде заржавели.

Листья все чёрными крапинками усеяны. Пригляделся. Да это вовсе и не крапинки, а мелкие ракушки. Они на водорослях себе жилище устроили.

Выплыл я из этих джунглей. Вперёд смотрю — куда дальше плыть.

А впереди кто-то крыльями машет. И плывёт как-то странно — стоя. Поднимается и плавно машет крыльями. Под водой всеми цветами радуги переливается. Головка красная, хвостик малиновый. А тельце незнакомца небольшое, тонкое. Ростом он не выше иголки. Только голова большая. Крылья жёлтенькие.

Очень красивый незнакомец. На ангела похож.

Как же я сразу не догадался? Так это же и есть ангел. Морской ангел. Мне про него биологи рассказывали. Моллюск такой. Встретишь его — говорят, к счастью.

А он плывёт, на солнце переливается. То красным становится, то голубым, то зелёным. И вдруг застыл на месте — что-то увидел.

Я тоже ластами не шевелю, вокруг смотрю.

А рядом ещё кто-то крыльями машет. В ракушке сидит, только крылья высунул и ими, как вёслами, гребёт.

Ракушка круглая, цвета тёмного, словно в фиолетовых чернилах испалась. А крыльями машет не плавно и медленно, как ангел, а быстро

быстро — как мотылёк.

Это морской чёртик.

Надо же как повезло — увидел сразу и чёрта и ангела.

И вдруг ангел на чёртика набросился. Выпустил длинные красные щупальца, вонзил их в чёртика и съел его. А ракушку выплюнул.

Вот тебе и ангел. Я думал, он безобидный. А ещё говорят: ангельский характер.

А ангел как ни в чём не бывало дальше поплыл. Крылышками машет, переливается. Ну, прямо ангел.

Володя посмотрел на часы — надо домой возвращаться. Уже вечер.

А если бы не часы, то и не знали бы, что уже так поздно. Светло, словно днём. На Белом море, если даже ночью проснёшься, всё равно не поймёшь — день или ночь. Над Белым морем летом ночи белые.

— Вот мы и нашли с тобой остров Сокровищ, — сказал Володя, когда мы уселись в лодку и завели мотор.

— Давай на карте Белого моря поставим карандашом точку и над ней напомним: «Остров Сокровищ», — предложил я. — Это будет наш с тобой остров.

И тут вдруг Черныш голос подал. Он сидел, как всегда, на носу и смотрел в море. Бесконечное, гладкое море.

— Наш с тобой, — повторил я, — и Черныша.

...Когда мы уже отошли далеко от нашего острова, обернулись и хотели с ним попрощаться, то не нашли его среди других островов.

Луды издали очень похожи друг на друга.

Может, каждый из этих островов тоже чей-нибудь остров Сокровищ?

Поисковая работа

К 50-летию

Олега Александровича Цакунова

Было это в то время, когда окна домов в нашем городе были крест-накрест заклеены белыми бумажными полосками, вместо занавесок их завешивали одеялами, а во многих домах стёкол в окнах просто не было... И на знакомых вам улицах вместо домов — груды развалин, занесённых тёмным от военной гари снегом.

Вот в это самое время из дверей очага (так называли тогда детские сады) вышел высокий мужчина в шинели без знаков различия с маленьким худеньким мальчиком в большой зимней шапке и зимнем пальто с прожжённой полкой. Всю дорогу, до самого Дома радио, мужчина крепко держал мальчика за руку, потом в студии поставил его около микрофона и тихо попросил:

— Постарайся не сбиться, когда будешь читать. А если и собьёшься — тоже ничего... Ты будешь читать стихи для бойцов на фронте.

— А вы не бойтесь, — тоже тихо сказал мальчик, — я не собьюсь. И не сбился.

Он читал стихотворение, а на одном из аэродромов ленинградского фронта сидели в землянке два техника, и шёл между ними такой разговор:

— Скажи-ка, Цакунов, не твой ли пацанёнок по радио стихи шпарит? Объяснили — читает Алик Цакунов?

Сержант Цакунов прислушался:

— Мой! Живы значит! Живы!

С той поры прошло много лет, о том далёком дне поэт Олег Цакунов написал стихи.

...Потом сказали, что не

подкачал.

А сбился б — не беда, не слова ради.

Звучащий детский голос

означал,

Что живы, живы малыши в

блокаде!

Быстро, очень быстро летит время. Победой закончилась война. А мальчик Алик Цакунов сменил детский сад на школу, школу на Горный институт и стал геологом — Олегом Александровичем Цакуновым.

Геологи, как известно, на месте не сидят. Такая у них работа. Поисковая. И где только не был геолог Цакунов — и на Дальнем Востоке, и в Саянах, и в Средней Азии, и на Урале! И всюду, как многие геологи, писал стихи. Такая уж у них жизнь. Не могут геологи без стихов. Потому что стихи — это тоже работа. И тоже поисковая.

...Познакомились мы с Олегом Александровичем в Казахстане. К тому времени из двух поисковых работ он выбрал одну. Стихи. Написал две книги — «Голос гранита» и «Зов». И в обеих книжках — стихи о нашем городе, о войне и о блокаде. Остались они, и война и блокада, навсегда в его сердце, как остаётся шрам от пули или осколка гранаты на солдатском теле. Ведь все мальчишки тех лет вое-

вали, и если, из-за возраста, не на фронте, то в мечтах, в игре, в стихах...

Как я строчил из автомата —
И на скаку и на бегу.
Я на лету ловил гранату
И посылал её врагу...
...О если б детские хотенья
Всех городов и деревень
Сбылись по щучьему веленью,
Война бы кончилась в тот день.

Олег ЦАКУНОВ

Три стихотворения

ПОВЕЗЛО!

Во-первых, Первомаю
С погодой повезло,
Покапал дождик с краю,
И тучи унесло.

Оркестр наш был в ударе.
Мне прикололи бант.
Воздушный шарик дали,
А папе — транспарант.

Но мы не только пели,
Что весело идти, —
Мороженое съели,
Успели по пути!

И на Дворцовой славной —
Везёт же нам с утра! —
Шли у трибуны главной,
Вовсю крича «ура!».

Но мы ещё не знали —
Везёт так уж везёт! —
Что нас на фото сняли:
В газете снимок! Вот!

Вот — рядом с музыкантом,
С трубою громовой
Мы с папой. С транспарантом,
Да только — за трубой.

Но виден шар. И шляпа.
И не узнать нельзя:
Ведь шляпа — это папа.
А шарик — это я!

...Есть у Олега Александровича удивительная черта характера: что задумает — обязательно сделает. Когда мы с ним познакомились в Казахстане, он мне сказал, что обыграет меня в бильярд. Игрок я неплохой и ему не поверил. Я не поверил — а он меня обыграл. До сих пор убеждаю себя, что было это случайно. Но ведь обыграл! Так же он, мальчишкой, сказал, что проплывёт под Литейным мостом на бревне. И проплыл. Это уже не бильярд... А несколько

лет назад он сказал, что обязательно будет писать стихи для детей. Для вас, ребята. Сказал: «Напишу!» — и написал.

Вот такой он, Олег Александрович Цакунов, которого «Искорка» поздравляет сегодня с пятидесятилетием и которому желает к книгам для взрослых добавить несколько улыбочивых, добрых книжек для детворы. Пусть пообещает и сделает. Как всегда.

Лев Гаврилов

ПОМИДОР И РАЗГОВОР

Наша мамина подруга,
Прилетев с Кавказских гор,
Привезла рассказы с юга
И огромный помидор.

Разговор идёт о море:
«Ах, песок!» и «Ах, вода!»,
Только мне не до историй,
Помидор — вот это да!

Он лежит — могучий, плотный,
Весь, как солнце, огневой,
И какой-то бегемотный,
И как будто бы живой.

Не могу с собою сладить.
— Мама, можно?.. — я шепчу.
— Хочешь съесть?
— Да нет,
Погладить
Помидорище хочу!

ХРЮКОМОЙНИК

Рукомойник —
Так зовётся,
Потому что моем руки.
Всем знакомы эти звуки:
— Тук! — вода...
— Тук-тук! — польётся
Понемногу и помногу.
Ну-ка, я подставлю ногу,
Потому что запылится.
«Ногомойник» получился!
Раз моя нога — то «мойник»,
А твоя — так будет «твойник»?

Подзапутались мы вроде.
— Эй, а кто там в огороде?
Поросёнок?
Поросёнка
Мы подтащим:
— Стой, разбойник!
Это будет — «ухомойник»,
Это будет — «хвостомойник»,
Это будет,
будет,
будет —

«Хрюкомойник»,
«Хрюкомойник»!

Рис. В. Качальского

РАДИЙ ПОГОДИН
МАКОВ ЦВЕТ
СКАЗКА

V

Пришёл милиционер товарищ Марусин к Вовке домой, а Вовка Попугаев лежит в своей комнате на полу. Пальто его тлеет. Валенки тлеют. Рукавицы прогорели.

Мама Вовкина стоит над Вовкой на коленях и молча плачет.

И вдруг, словно летний дождик полил, фиалкой лесной запахло. Земляничкой и ландышем. Это товарищ Марусин на Вовку зелёной водой из бутылки брызнул.

Открыл Вовка глаза, сел и сказал хвастливо:

— Сквозь огонь шли. Сквозь дым и пламя.

Маска хоккейная на его лице почернела — оплавилась, ласты нырвальные обгорели. Вовка хотел сказать ещё что-то хвастливое, но плечи его сторбились, шея напряглась, и он сказал:

— Страх-то какой. Ужас... А спасать надо...

Милиционер товарищ Марусин снова брызнул на него изумрудной водой. Запах от воды можжевелевый, с грибной нотой.

— Вот бы ему понюхать... — прошептал Вовка.

Мама всхлинула. А милиционер товарищ Марусин сказал:

— Ковёр вам сейчас принесут.

Пришёл милиционер товарищ Марусин в музей. В музее вроде всё на своих местах.

Вот витрины. В витринах предметы быта и народного мастерства.

Вот рамы. В рамах картины: пейзажи и прочее.

Нашёл милиционер товарищ Марусин мраморный стол, погладил его рукой. И ощутил живое — словно он коня гладит. Мальчишкой мечтал товарищ Марусин быть цирковым наездником-вольтижировщиком. Но не получилось у него по разным веским причинам. А лошадей он любил.

Гладит милиционер товарищ Марусин стол и шепчет задумчиво:

— Что же с Вовкой-то произошло?

И вдруг словно занавес перед ним раздвинулся, состоящий из многочисленных слоёв тьмы.

Видит он небо в огне, и горы в огне, и город в огне. Даже море в огне. И двое мальчишек, один-то определённо Вовка во всей амуниции: в зимнем пальто и шапке-ушанке, другой — похожий на Вовку летнего, вылезшего из речки — вместо трусиков полотенце, — и вытаскивают они из разрушенного дома старика в тунике. Тот Вовка, который летний, изранен весь, весь в саже и волдырях, и сил у него нет.

Положили мальчишки старика под раскидистую сосну у ручья. И старик тот очнулся и рвётся обратно в разрушенный дом. Мальчишки его не пускают. Дом разрушенный начинает изнутри дымиться. Старик закрыл лицо руками — заплакал. Тогда летний Вовка рванулся к дому на сожжённых ногах, но зимний Вовка его оттолкнул и сам в дом проник. Обрушилась крыша у дома. Взметнулся кверху столб искр, как рой розовых ос...

— На стол глядишь? Гляди, гляди... — услышал милиционер товарищ Марусин позади себя. Обернулся — старуха Лукоморьевна из Старой Руссы.

— Здравствуйте, бабушка Луко-

Окончание. Начало в «Искорке» № 5, 6.

морьевна, — сказал милиционер товарищ Марусин.

— Здравствуй и ты. Ишь, какой форменный. При погонах. А мальчонкой-то был — одни ноги.

Хотел милиционер товарищ Марусин у старухи Лукоморьевны про волшебницу Маков Цвет расспросить. А старухи и нет — стоит возле него девица цыганского типа, наполовину постриженная, наполовину лохматая. С серёжкой в одном ухе. Один чулок полосатый, другой белый. И мешок ему предлагает:

— Битте-дритте. Купите мешок, капитан, — модно. Сори-пори... — А на мешке Вовка Попугаев в ластах и маске. — Человек будущего. Грядущий беби, — говорит девица. — Спортивно-земноводный. Может развиваться без бабушки и даже без мамы...

— А если я вас немедленно арестую?

— За что, капитан? Этот мешок я сама шила, сама рисовала. Я художник-мешкист. Новое направление. А что — не хуже, чем эти картины в золотых рамах.

Глядит товарищ Марусин, и правда — не хуже. Понял — действительно красота ушла, если мешок смотрится вровень с музейной картиной.

Ай девица берёт его под руку.

— А лав ю, — говорит. — Шерами.

Вбежал тут в музей первый «А» всей гурьбой. Кричат:

— Где ковёр?

— Я не трогала, — сказала девица.

Первый «А» посмотрел на неё сурово. Сказал:

— Руки прочь!

Она фыркнула, взвизгнула, прошипела и всё этак гневно:

— А вам-то какое дело, букашки? — И ушла.

Вбежал Вовка в горящий дом. Всё колыхнется. Гул идёт из-под земли. И слитный вопль многих сотен людей.

Балка перед ним упала. Это он хорошо помнит. Искры ему в лицо, дым. И глаза не вытрешь — маска.

Вовка балку ногой в валенке отпихнул. Вошёл в мастерскую. Всё горит. Амфоры, гидрии, кратеры, пифосы (по-Вовкиному — горшки) один красивее другого — лопаются. Вовка хватает то один горшок, то другой. Они у него в руках разваливаются... И тут он увидел тот чёрный пифос, о котором ему Полуовка сказала: «Первый на земле чёрный сосуд с красным рисунком». Схватил его Вовка, бросился в коридор. И как раз крыша рухнула. Перегородила дорогу.

Вовка скамейку поставил на стол. С неё на глинобитную стену залез. Стена колыхнется, оползает. «Только бы не рухнула внутрь дома, в огонь...» Но успел всё же Вовка со стены спрыгнуть.

Старик — Полуовкин учитель — руки ему целовал. Называл каким-то красивым словом, похожим на «диоскур».

«Он всю жизнь искал секрет чёрной гончарной массы. И эту форму он создал первым. Форму трудно создать, чтобы как часть природы — как будто она всегда была. Спасибо тебе...» — Так говорил Полуовка, а у самого не только тело и лицо в волдырях, — на губах волдыри и волос нету.

А город горел, и огонь подвигался к ручью, у которого они лежали. Встали они с трудом. Помогли подняться старому мастеру. И пошли по горячей воде. А в воду с неба падали камушки.

— Вовочка, — сказала мама. — Проснись, Вовочка... Нам папа телеграмму прислал. Вот послушай: «Начинайте день с какао!» Может, начнём? — спросила она и всхлинула.

Заболел Вовка.

Лежит на диване — спит. И бредит. Произносит слова, которых знать не может. Говорит: «Поддай мне, брат, кельту». А кельтой у древних греков называлось бронзовое долото.

Кандидаты наук перед Вовкиной мамой на коленях елозят, чтобы разрешила им Вовкин бред послушать.

А медицина — бессильна. Прописала медицина Вовке капли Кватера, поскольку очень Вовкиной маме сочувствовала.

Первый «А» класс маме в помощь организовал у Вовкиного дивана круглосуточное дежурство. Дежурные давали Вовке попить и записывали его высказывания.

Один раз Вовка сказал: «Красота — цветок с чёрной каймой. Кто эту кайму видит, тот и красоту понимает». В другой раз Вовка сказал на чистом древнегреческом: «Спасите красоту, и красота спасёт мир». Эти слова сам Петя Ковалёв принял и записал безошибочно. Недаром он был отличником по всем предметам.

А Вовка Попугаев, когда они после пожара и землетрясения отвели гончара к его дочери в соседний город Аполлонию, спросил:

— Ты теперь куда, брат?

— Куда дверь откроется.

— А мне с тобой можно?

— Не знаю, — сказал Полувовка. — Но я спрошу. Хорошо бы. А то одному одиноко.

Наверно, волшебница Маков Цвет разрешение дала, потому что

дома побрызганный изумрудной водой Вовка глаза закрыл спать, а когда открыл, то увидел... Город с многоколонными храмами. Улицы, выстланные каменными плитами. Чисто. Солнце палит. Ветер с моря обдувает обгоревшие плечи.

Полуовка, загорелый до черноты, и он, Попугаев, без ластов и без маски бронзовыми долотьями-кельтами высекают из мрамора белую птицу. А старый мастер, седой и грузный, объясняет — под каким углом ставить долото. С какой силой ударять молотком. Что птица эта белая не просто сама по себе, но знать нужно, где она будет поставлена и какой свет будет на неё падать. И не первый уже день они в этом городе. И Полуовка и Вовка называют друг друга братьями.

Там, в старинных далёких городах, может, год проходил, а здесь, в Новгороде, только одна ночь.

Иногда проснётся Вовка, попросит пить, а сам весь в рубцах — это их с братом Полуовкой розгами драли или плетью.

Учились они в древнем городе Синдики.

На древнем острове Крите.

В древнем Коринфе.

И Корфу.

Легко учились, уж больно чуток был Полуовка на красоту. Едва отвернётся мастер, он поправляет Вовке узор и объясняет шёпотом, почему это нужно поправить. А по вечерам, чаще-то на голодное брюхо, при свете луны учил Полуовка Вовку рисовать. Прямо тут, на песке. После порки или другой выволочки говорил: «Нужно, брат, чтобы художник изведаль печаль. Чтобы душа его к красоте как из плена рвалась». И откуда у него такие мысли являлись? Сколько он на Руси побыл? А говорил с тоской: «Вот вернёмся на нашу землю... Солнце у нас не такое жаркое... Зелень на нашей земле не такая яркая — нежная. Цветы не такие большие, но уж больно затейливые... Лад красоте даёт родная земля. Без родной земли красоты нет — только мимолётная прелесть...»

Все тяготы переносили они вдвоём стойко. Но случилась такая тяжёлая ночь — такая тяжёлая, что пришлось и Попугаеву Вовке прибегнуть к зову последней надежды.

И не драли их. И голодом не называли.

А было это в древнем городе Фивы. Учились они у скульптора. Делал скульптор сфинкса для одного вельможи. Вельможа хотел подарить сфинкса самому фараону. Уже вырублено было и отполировано мощное тело льва. Было оно покойным, но как бы уже трубила в его крови утренняя заря. Полуовка и Вовка полировали гранит до зеркального блеска истолчённым в порошок кремнем, замешанным на гусином сале, и другими более тонкими пастами, которые в тайне от всех приготавливал скульптор.

Но не было у сфинкса лица.

И всё рисовал скульптор его лицо. Рисовал на песке, чтобы тут же стереть. Чтобы никто не видел. Хотел вельможа, чтобы скульптор высек лицо фараона. А скульптор всё рисовал, всё рисовал — искал лицо другое. Позволял смотреть только Полуовке да Вовке. Он говорил, вы, мол, дети, в сердце у вас ещё нет

зависти, нет жадности. Есть только одно — желание знать. Ну так знайте. Кто такой сфинкс — тайна. Поэтому тайна, что это Амон, сам бог Солнца. Тело льва — потому что нет силы сильнее солнца. Лицо человека — потому что лишь человек понимает: нет мудрости выше мудрости солнца. Всё происходит от солнца: и радость, и горе. Прекрасно лицо сфинкса, но ни сострадания, ни улыбки нет на его лице. Вот в чём тайна: бог Амон — слепой бог. И рисовал скульптор неподвижное лицо бога с прекрасными, но слепыми глазами. И Полуовка рисовал, и Вовка. Скульптор поправлял их рисунки, объясняя, что к чему, и всё чётче и чётче становилось неподвижно-мудрое, прекрасное слепое лицо.

И однажды приехал вельможа. Спросил скульптора, когда же он будет высекать лицо сфинксу.

— В полнолуние, — отвечал скульптор.

— Надеюсь, ты хорошо знаешь лицо фараона, да будет он жив, невредим, здоров.

— Я знаю лицо бога солнца Амона, — сказал скульптор. — Именно его я и вырублю в полнолуние. Луна — сестра солнца, она придаст моей руке твёрдость.

Вельможа попросил показать ему это лицо. Скульптор сделал рисунок на куске папируса. Вельможа посмотрел и бросил его. А скульптору велел подать чашу вина, причём на глазах у всех бросил вельможа в то густое золотое вино яд, поскольку скульптора в древнем Египте ударить нельзя было ни плетью воловьей, ни палкой, и сказал:

— Пей. Пусть тебе поможет Амон.

Бездыханного скульптора положили на лапы сфинксу.

Ночью той полнолуние было...

А наутро все увидели сфинкса с лицом, нарисованным на папирусе.

Все попадали на колени. Вельможу разбил удар.

Сам фараон пожаловал посмотреть на чудо.

Посмотрел. Велел загримировать себя под бога Амона.

Именно тогда написали жрецы на камне: «Когда люди узнают, что движет звёздами, сфинкс засмеётся и жизнь на земле иссякнет».

Вырубил лицо сфинксу Полуовка. Ночью. Вовка держал его на плечах. Хотя и окреп он и возмужал, но никогда доселе такой тяжести на плечах не чувствовал. Как будто тяжесть работы, которую выполнил Полуовка, также и на Вовкины плечи легла. С каждым часом работа становилась всё сложнее, всё тяжелее. Почувствовал Вовка — ну не хватит у него силы, чтобы продержаться до рассвета.

Когда уже полировал Полуовка сфинксу его божественно слепые глаза, ноги у Вовки подкосились. Тогда и закричал Вовка голосом последней надежды: «Помоги, первый «А», помоги...»

Всему первому «А» приснилось перед рассветом такое: держат они на своих плечах великую работу, за которую гений уже отдал свою жизнь. А тяжесть всё наливается, потому что работа к концу идёт. И не работа это уже, а слияние двух пределов — мёртвого камня и живого таланта.

И выстоял первый «А».

Правда, всех было утром не добудиться. Все ворочались и стонали — даже лягались. И разбуженные, поползли умываться на четвереньках. А Яшка Кошкин в коридоре уснул на собачьем коврике. И Яшкин пудель Барбос, собака ласковая и тихая, зарычал, когда мама нацелилась Яшке уши надрать.

Вовкина мама утром вошла в Вовкину комнату — Вовка спит. Мама уже к этому привыкла, что он спит сутками. Лукоморьевна, она ещё раз приходила, не велела Вовку будить.

— Пусть спит, — сказала. — Когда в норму войдёт, проснётся. Дети во сне растут.

Смотрит мама, а Вовка загорел, плечи у него развернулись, руки огрубели. Но уж больно худ. И щёки ввалились. Под глазами — круги. На

плечах синяки шириной с ладонь. К рубцам и ссадинам неожиданным мама привыкла, а тут синяки такие, словно обрушилась вдруг на Вовку непомерная тяжесть.

Хрипел Вовка и бормотал: «Держитесь, ребята. Держитесь. Ещё много. Сейчас рассвет...» А на столе лежал лист бумаги странной. На нём сепией было нарисовано лицо сфинкса.

Вспоминала мама вопрос Лукоморьевны: «Твой-то самородок не рисует?» Всё рисовальное она тогда выбросила. И защемило у неё сердце — неужели же её Вовочке драгоценному за своё легкомыслие, можно сказать, безобидное озорство — шалость, придётся теперь жизнь отдать?

Хотела мама в поликлинику звонить, мол, приезжайте немедленно — Вовочке худо. Но подумала, взяла себя в руки и позвонила милиционеру товарищу Марусину.

Милиционер товарищ Марусин прибыл незамедлительно.

Оглядел он Вовку — круги под глазами, синяки на плечах, — из волос Вовкиных гранитные крошки на подушку просыпались. Послушал Вовкино бредовое бормотание: «Держитесь, ребята, держитесь. Скоро рассвет...» Взял со стола бутылку с зелёной водой — Лукоморьевна велела маме бутылку всегда возле Вовки держать, — побрызгал на Вовку. И опять запахло прогретыми солнцем можжевельными полянами, фиалками и грибами. Но не проснулся Вовка, лишь перестал метаться, хрипеть и всхлипывать, успокоился и задышал ровно, как дышат дети, когда хорошо спят.

Вовкина мама подвинула милиционеру товарищу Марусину бумагу странную с нарисованным на ней лицом сфинкса. Она, как и все в Новгороде, не могла в тот момент отличить красивого от некрасивого. Не могла понять, что разноцветное уступило место пёстрому, и всякий цвет стал с приставкой — грязно. Грязно-синий, грязно-зелёный. Соразмерность представлялась Вовкиной маме безвкусицей. Но от этого рисунка исходил жар, порождавший мысль о

бесконечных песках и глубокую скорбь. И мама сказала:

— Лучше бы я девочку родила. Мальчики — это опасно.

Милиционер товарищ Марусин тоже смотрел на рисунок. «Что-то здесь не так, — думал он. — Не мог Вовка нарисовать это. Он бы матросов нарисовал с гранатами или парашютистов. Может, картинку зелёной водой побрызгать?»

Зелёная вода хоть и плескалась в бутылке и приятно булькала, но не выливалась — пахло от неё жаждой.

Тогда собрал милиционер товарищ Марусин свою специальную, хорошо натренированную силу воли в кулак. Известно, что специальная милиционерская хорошо натренированная сила воли пересиливает ворожбу, волшбу и всякое колдовство.

Сопсла с глаз товарища Марусина волшебная пелена, и понял он, что рисунок прекрасен, и увидел он руку гения.

Защипало у него в носу. Захотелось ему показать лицо сфинкса старым мастерам, тоскующим в больницах и санаториях.

— Пусть он поспит, — сказал милиционер товарищ Марусин, кивнув

на Вовку. — Не будите его. Наверно, ему туго пришлось. Картинку я, с вашего разрешения, на время возьму...

VI

А старые мастера в Новгороде смерти ждут — совсем иссохли.

Их, сердечных, из всех больниц в один санаторий перевели, имени Марфы Посадницы.

Борются за их жизни врачи, медицинские сёстры и санитарки. Обставили стариков телевизорами, положили газетами, чтобы они читали, смотрели и слушали международные новости и про футбол. Даже пиво дают на обед и на ужин. Старухам тоже телевизоры выдали, чтобы фигурное катание смотреть и многосерийные кинофильмы. Дают старухам мороженое, пирожное, пастилу, потому что старухи большие сладёны и лакомки.

Но не едят ничего мастера и телевидением не увлекаются.

Молчат.

Тихо в санатории Марфы Посадницы.

И вдруг однажды самый старый мастер Фёдор Андреевич шепчет.

— Слышите? — шепчет. — Сердце моё бьёт, будто колокол. Так оно только единожды билось, когда я молодым парнем был и впервые увидел старуху свою — она тогда тоже была молодой девушкой.

— Наверно, «курносая» за нами пришла, — сказал другой мастер. — Пора бы ей.

А тут входит в палату милиционер товарищ Марусин.

— Здравствуйте, — говорит. — Извините за беспокойство. У меня к вам вопрос. Думаю, только вы на него мне сможете ответить.

Достал милиционер товарищ Марусин из своей милицейской сумки бумагу странную с нарисованной голой сфинкса.

— Кто бы это мог нарисовать? — спрашивает. — И когда?

И подаёт рисунок самому старому мастеру Фёдору Андреевичу.

Фёдор Андреевич долго на рисунок смотрел.

— Вот, — говорит, — почему у меня сердце-то колотилось. Я её издавека почувствовал. Пробылась к нам, значит. Кто-то нам, значит, её посылает, чтобы «курносую» отогнать. Откуда-то издревле. Кто-то за неё, значит, жизнь отдал...

— Что вы имеете в виду? — спросил милиционер товарищ Марусин.

— Красоту рукотворного мастерства, — ответил Фёдор Андреевич. — Сейчас я очки найду. Хочу на неё пристально посмотреть.

Сначала он на кровати сел. Потом на пол встал. Потом очки в тумбочке нашёл и к окну пошёл.

— Рисовал это большого таланта гений. Рисовал тогда, когда в сфинксов верили. Потому что без полной веры так нарисовать даже гению невозможно.

Фёдор Андреевич передал рисунок другим мастерам. И каждый из них, посмотрев на сфинкса, принимался очки искать, пить от волнения клюквенный морс и пиво. Один старый мастер, ещё недавно совсем бездыханный, даже песню запел дребезжащим тенором.

Пошёл милиционер товарищ Марусин по всем палатам — везде то же целебное действие, те же слова. А как к нему этот рисунок попал, милиционер товарищ Марусин не рассказывает, мол, это большая милиционерская тайна.

Когда товарищ Марусин пришёл к Попугаеву Вовке, чтобы возвратить драгоценный рисунок и попросить Вовкину маму беречь его как зеницу ока, случилось вот что.

Входит он, а мама Вовкина опять вся в слезах. Слова сказать не может, но всё же чаю ему предложила.

И протягивает Вовкина мама милиционеру товарищу Марусину телеграмму от мужа. «Со свежими силами за учебники ТЧК целую завтра приеду ТЧК».

— Поздравляю, — сказал милиционер товарищ Марусин, возвращая Вовкиной маме и телеграмму, и драгоценный рисунок. — Это хорошо.

— Что же хорошего? — сказала Вовкина мама, заплакав. — Нету Вовы. Нет моего сыночка ненаглядного. Умницы моего. Золотка. Он исчез.

Проводила Вовкина мама милиционера товарища Марусина в Вовкину комнату.

— Я тут ничего не трогала. Ждала вас. Я же знаю из литературы, что на месте происшествия ни к чему прикасаться нельзя!

Милиционер товарищ Марусин подошёл к дивану. На подушке, где осталась ямка от Вовкиной головы, лежит оплавленная огнём закопчённая хоккейная маска. Товарищ Марусин одеяло отбросил — в изножье кровати лежат тоже обгорелые ниряльные лапы. «Это они в тот раз обгорели, — подумал товарищ Марусин, — когда я у волшебной колонны стоял...»

И одежда Вовкина на месте, и валенки, что Яшка Кошкин Вовке принёс.

Сел милиционер товарищ Марусин к столу. Задумался.

На столе бутылка стоит с зелёной водой.

Вдруг почувствовал милиционер товарищ Марусин — запахло солнеч-

ными можжевельновыми полянами, белыми боровыми грибами, земляникой и ландышами. «Эх, Маков Цвет, Маков Цвет, — тихо сказал товарищ Марусин, — хоть вы и волшебница, и как бы даже не существуете, но могли бы прийти рассказать нам о своих методах, опытом поделиться и вообще помочь. Устаём мы — не знаем многого. Я имею в виду инспекторов милиции по работе с детьми и гражданами старческого возраста». И так захотелось милиционеру товарищу Марусину туда, где сказочные холмы, где таинственная и премудрая Царевна-Лягушка, где Кашей Бессмертный и Царь Горох. Туда, где волшебное — обыкновенно, как в Новгороде телефон.

Взял милиционер товарищ Марусин бутылку с зелёной водой, вспомнил о первом «А» классе, полном решимости и надежды, и пошёл, пообещав Вовкиной маме, что в конце концов всё устроится.

А Вовка снова был там, под палящим солнцем пустыни, в старинном городе Фивы. У подножия неподвижного сфинкса.

Нет, не услышал он зова последней надежды. Просто сердце его толкнулось туда, где остался его Полуовка. Защемило Вовкино сердце в

предчувствии беды. Возникла, как возникает отвага, забота помочь Полуовке. Сейчас же. Сей миг.

И вот сидит уже Вовка на лапе сфинкса.

Под сфинксом, завёрнутый в белый лён, покоится скульптор. Они с Полуовкой в тот же вечер, перед новолунием, прокопали под сфинксом траншею и уложили туда художника. На грудь ему положили дощечку с надписью: «Пал смертью храбрых». Засыпали песком и следы заровняли.

Так вот, сидит Вовка на лапе у сфинкса, а Полуовки нет, и тревога растёт.

Но вот появилась колесница, запряжённая четвёркой белых лошадей. Колёса с золочёными спицами, ступицы и ободья колёс — пурпурные. И двое воинов фараона — тоже в золочёных нагрудниках и золочёных шлемах.

Сняли воины с колесницы мальчика. Он тоже в белом, а глаза у него завязаны белым льняным бинтом.

Полуовка!

Подвели воины мальчика к сфинксу (Вовка-то спрятался за недоделанное надгробие) и, поклонившись, ушли.

Когда ускакали белые лошади,

унеслась колесница, Вовка вышел из-за надгробия и прошептал.

— Брат, это я...

Полуовка улыбнулся. И улыбка эта уже не сходила с его лица, пересиливая боль и страдания.

— Я знал, что ты придёшь... Сними с меня бинт.

Снова заныло Вовкино сердце.

— Может, не надо...

— Сними. Пусть пообдует ветром.

Вовка развязал тугой узел. Снял бинт. Отступил на шаг. И чуть не бросился наутёк. Вместо живых глаз в глазницах у Полуовки горели синим огнём драгоценные камни.

А случилось так.

Когда первый «А», выстояв до рассвета, упал от усталости и уснул, Полуовка остался у сфинкса один. И ещё целый день он прожил один.

И вдруг приехали за ним в колеснице от фараона. Помыли его, одели в белые чистые одежды, чтобы он предстал перед богоравным Хашсупотепом.

Привели Полуовку. И фараон сказал:

— Ты чужестранец.

— Да, — сказал Полуовка. — Моя земля далеко.

И фараон спросил:

— Ты помогал магу? (Так он называл скульптора.)

— Да, — сказал Полуовка.

И фараон спросил:

— Он видел лицо бога?

— Да, — сказал Полуовка, имея в виду скульптора.

— И ты, мальчик, скажи нам, тоже видел лицо бога?

— Да, — сказал Полуовка, вновь имея в виду скульптора.

И повелел фараон Хашсупотеп извлечь Полуовкины глаза из глазниц и, уложив их в золотой ларец, спрятать в царской сокровищнице.

— Глаза, видевшие лицо бога, должны принадлежать фараону, — сказал Хашсупотеп.

«И повелел царь, да будет он жив, здоров, невредим, вложить мальчику-чужестранцу, ученику мага, драгоценные каменные зеницы...»

Вовка-то Попугаев плакал, ясное

дело. А Полуовка ему говорил:

— Не плачь, брат. Мне бы только дойти до родной земли. На родной земле я прозрею... Я знаю, что Маков Цвет — не цветок мака, а красота земли нашей. Она всесильна.

— Так пойдём, — Вовка вскочил. — Я тебя поведу.

— Что ты, брат. Идти-то не ден и не два. Лет десять идти, а может быть, двадцать...

— Тогда не мешкай, — сказал Вовка. — Пойдём. Давай руку...

Как только Вовка взял Полуовкину руку в свою, то почувствовал, что не стало ни его, ни Полуовки — только земля зелёная с ёлками и берёзами, озёрами и ручьями. Запах прогретых полей ощутил, земляничных и можжевельных. И понял вдруг, что это он — что всё в нём. Даже волшебница Маков Цвет.

Прибежали милиционер товарищ Марусин и первый «А» класс в мундире. Столпились вокруг волшебной колонны. И дышать им всем трудно, как в ожидании грозы.

Колонна волшебная стоит чистая, светлая, мрамор розовым стал, словно в нём жизнь дремлет.

А вокруг красота: полотенец расшитые, кокошники в жемчугах, расписная посуда, финифть, изразцы, филигрань...

Вдруг закипело внутри колонны, и каждый увидел: кто речку, кто васильки во ржи, кто ландыш лесной, кто тучку в небе. Милиционеру товарищу Марусину кони привиделись — гривастые, крепкогрудые. Хоть он и не это хотел увидеть.

Тогда собрал он свою хорошо натренированную милиционерскую силу воли. Кипение прекратилось. И все увидели волшебницу Маков Цвет.

Улыбнулась она. Рукой помахала.

— А Вовка-то? — спросил первый «А».

— Вот же он...

И погасла колонна.

А по лестнице, по ковровой дорожке поднимался Попугаев Вовка. Волосы выгорели — стали, как белый

лён. Одежда на плечах ветхая. И ноги босые.

— Что это вы на меня так смотрите? — спросил Вовка. — Может, у вас тут и босиком нельзя?

И было в Вовке что-то такое — покойное и печальное. И глаза его иные — раньше-то были светлые, а теперь синь-пересинь с чёрной каёмочкой. Глаза Вовкины вбирали в

себя электрический свет и отражали его искристо и сильно, преобразуя в солнечный.

«Наверно, русское слово «глаза» произошло от «глазурь», потому что в старинном — «очи» недоставало цвета». Так подумал Ковалёв Петя, а он за первое полугодие не получил ни одной четвёрки, только пять и пять с плюсом.

Рис. Ю. Беломлинской

Леонид Спасёнов живёт в Ялте — курортном городе на берегу Чёрного моря. Он любит Крым, но весь год и особенно в самые тёплые месяцы ему не до отдыха: Спасёнов — сапожник, и летом, когда в Ялту приезжает много отдыхающих, у него прибавляется работы, а работать он привык быстро, чётко, красиво. Но есть у него и ещё одна забота и любовь — поэзия. Леонид Спасёнов давно пишет стихи и сейчас собирает книгу. Он член Ялтинского литературного объединения имени П. А. Павленко, печатается в газете «Советский Крым». Вот несколько его стихотворений: они, как привет ленинградским ребятам из солнечного Черноморья.

Леонид СПАСЁНОВ

ВОЛНА

У волны есть размах
И торжественный гул,
Это ветер в неё
Свою силу вдохнул.
И прощает он ей,
Что в далёком краю
Она силу его
Выдаёт за свою.

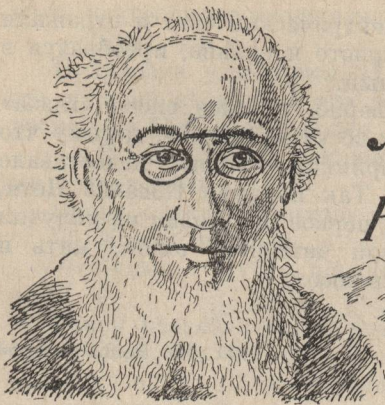
СОЛНЦЕ

Ну что, намаялось? Устало?
Был трудным этот летний день.
Ты поработало немало,
С теплом твоим исчезла тень.

Что ж, отдохни за той горой,
И, как ночник, Луну включи.
А завтра раннею порою
Зажги опять свои лучи.

Рис. Е. Каменской

Эдуард Лисок

Любовь к географии

рис. Н. Котляревского

*О поле, поле,
кто тебя усеял?*

Жуткая находка ожидала путешественников на высокогорном заледенелом плато — луга, усеянные мёртвыми воинами.

Лошади казаков храпели и шаркались, ступая среди убитых, а горные вершины сияли совсем рядом, прекрасные и бесчувственные, равнодушные ко всему. Тишина и неподвижность властвовали вокруг. Целый род кочевников-богинцев вырезан в междоусобной борьбе. Мужчины, женщины, дети. Лошади, и те убиты. Быки зарезаны. Верблюды переколоты.

И вдруг волосы у путешественников зашевелились от ужаса. В неподвижности возникло движение — непонятное, невозможное здесь. Что-то стремительно приближалось, какая-то волна. Оказалось — собаки. Они не ушли после того, как их хозяева погибли. Стая истосковалась без человека. Собаки бежали, нес-

лись, летели, завидев наконец-то живых людей.

Долго не могли забыть путешественники страшной картины, открывшейся на безымянном перевале. У Петра Петровича была потом долгая беседа с главами богинских родов. Говорили о сражениях, о крови, о вражде... Богинцы расспрашивали Петра Петровича о России, просили похлопотать, чтобы народ их был принят в русское подданство. Они понимали — только такой шаг и мог положить конец их бедствиям. Сильное государство прекратило бы междоусобную рознь, принесло бы мир в горные долины.

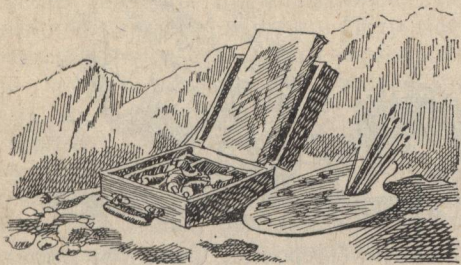
— Сделаю всё, что смогу, поговорю, похлопочу, — обещал Пётр Петрович. — Но сперва мне нужно осмотреть Небесные горы. Нужно дойти до Повелителя Духов — самой высокой вашей вершины. Помогите и вы мне.

Русские, Россия — эти слова передавались в те дни из уст в уста, по горным кочевьям, по пути следования отряда. На сотни вопросов отвечал Пётр Петрович. Отвечал честно, старательно. Однажды целую ночь пришлось рассказывать ему о русской музыке, об опере. Залучивший его в свою юрту глава рода был страстным любителем пения и струнных инструментов. Сам не выпускал из рук домбры. Певцов и сказителей собирал вокруг себя в изобилии. И слушал он гостя из далёкой страны, тяжело дыша и заворожённо уставя взор в пространство.

Окончание. Начало в «Искорке» № 6.

Мерцание вершин

А рисовать Пётр Петрович не умел. Это его ужасно огорчало. Ему мало было чувствовать красоту, мало воссоздавать её словами на листах походной тетради, он жаждал красок, холста, жаждал писать маслом, акварелью. Жаждал, но не умел. А это же мука какая! Почти танталова.

Герой греческих мифов Тантал был обречён страдать, видя постоянно рядом с собой сочные плоды и прочие яства, которые никогда не давались ему в руки. Вот так и Пётр Петрович, распахнув полог своей походной палатки, погасив свечу, отложив самые неотложные вечерние свои дела — разборку трав, камней, сделанных за день записей, — часами глядел на снежные горы. Среди глубокого мрака, затопившего долины и горы помельче, гигантские снежные конусы, вознесённые на невероятную высоту, рдели и наливались огнём. Они мерцали. Они переливались всеми мыслимыми и немыслимыми оттенками красного, фиолетового, зелёного цвета. Шумела в темноте стылая, пронзительно холодная река. Шумела кровь в висках. Пётр Петрович задыхался от восторга...

И вот во второе свое путешествие на Тянь-Шань он взял с собой учителя рисования томской гимназии художника Кошарова. Человека храброго и выносливого. И храбрость и выносливость тому очень пригодилась.

Оставляя на бивуаке на отдых казачий отряд, сопровождающий его в странствованиях по горам, Пётр Петрович отправлялся вперёд, или куда-нибудь в сторону, или просто

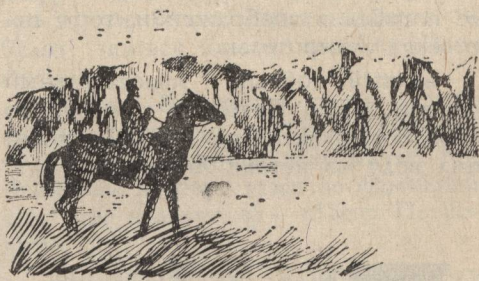
на ближайшую вершину, взяв с собой только художника.

Вдвоём пересекали они прекрасные высокогорные дуга, вдвоём карабкались на стометровый обрыв гигантского ледника и бродили там среди глубоких ослепительно-зелёных трещин, вдвоём любовались они грозой, сверкавшей у них под ногами.

Бывало, что выбившийся из сил художник оставался под какой-нибудь крутой горой, на осыпи и откосы которой Пётр Петрович карабкался один. Но вид с этой горы открывался такой головокружительно прекрасный, что неутомимый путешественник спускался вниз, брал Кошарова и вновь преодолевал подъём, чтобы художник тоже мог полюбоваться этим видом и запечатлеть его в красках.

За страсть к прекрасному нередко приходится расплачиваться, и Пётр Петрович готов был платить любую цену. Бродить вот так в одиночку по горам, без сильнейшей охраны, значило класть голову в пасть тигру. И пасть эта могла захлопнуться в любую минуту.

Вода истоков

...Ноги лошади изранены об острые скалы. Путешественник ведёт её в поводу. Он и сам беспрерывно останавливается. Трудно дышать разрежённым воздухом. Он даже не замечает, что взойшёл наконец на вершину перевала. Но что это: за перевалом не новые пропасти, долины, хребты — там, не где-то внизу, а рядом, на уровне глаз, на той же огром-

ной высоте бесконечная холмистая равнина. Такая спокойная, такая нереальная, как на другой планете, как во сне. Холмы сверкают снегом, а вокруг цветы. Яркие, праздничные, густые — целые ковры из цветов.

Пётр Петрович снова садится на лошадь. Он едет по этой равнине. Так и кажется, что вот сейчас, через секунду, из ушей пойдёт кровь. Голова раскалывается от боли.

Он въезжает на очередной снежный холм и видит впереди три озера. Вода в них чистого зелёного цвета. В них плавают красные и синие птицы. Из каждого озера вытекает река. Реки эти, встречаясь, сливаются в одну. И эта уже большая сильная река уходит в глубокую узкую долину, которая теряется в необозримо туманной дали.

Первым из европейцев видит Пётр Петрович исток великой азиатской реки, древнего легендарного Яксарта, нынешней Сырдарьи.

Ах, бедный профессор Риттер. Бедный, всё знающий, старательный профессор. С каким напряжением вглядывался он во все древние рукописи, во все карты, которые удавалось ему достать. Всё-всё знал он про Азию, что только можно было знать европейцу в то время, но аромат трав и цветов её он вдыхал только во сне; в пустынях, в бурях её погибал в воображении, горы пересекал умозрительно.

Бедный, добрый, замечательный учитель. Пётр Петрович с жалостью и любовью вспомнил о нём, когда пил воду из истока Яксарта.

Предсказание

Петру Петровичу Семёнову выпал иной жребий. Ещё в горах Тянь-Шаня прорицатель богинцев, шаман, помещенному — «дуана», ворожил Петру Петровичу о его будущем и предсказал много интересного. Нет-нет, Пётр Петрович не просил шамана ему «погадать». Когда путешественник отдыхал в юрте для почётных гостей, шаман явился сам.

Долго, пристально смотрел прорицатель на Петра Петровича. Тихо звенели колокольчики на его одежде. Высокая шапка из лебяжьего пуха дрожала. Вдруг он высоко подпрыгнул на одном месте. Потом ещё раз, ещё. Завертелся. Когда необходимая в таком деле подготовка была произведена и на губах его запузырилась пена, а из горла стали вырываться произвольные крики, прорицатель жестами показал, что ему «открылось», что он видит... Видел же он, как выяснилось из слов переводчика, множество знаков отличия, что будут украшать грудь и шею Петра Петровича.

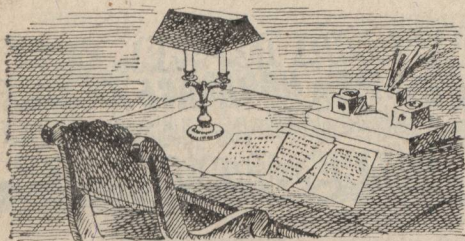
— Улькун-тюре, улькун-тюре! — кричал прорицатель, что означало «большой человек».

«Я, конечно, тогда не придавал никакого значения предсказаниям дуан», — писал впоследствии Пётр Петрович. И этим его словам верить. И не только потому, что географ не был человеком суеверным. Но Пётр Петрович Семёнов был по-настоящему скромный человек. Он действительно не мечтал о почестях, а тем более — о чинах, орденах. Да так уж получилось, что предсказание сбылось. И высшие научные почести, звания, и высшие чины государства, и самые почётные русские ордена — всё пришло к нему в своё время.

Не могло не сбыться

Да, предсказание сбылось, но дело в том, что оно и не могло не сбыться.

Ведь как складывалась его судьба?

Долгие месяцы путешествий каждый день Пётр Петрович Семёнов — по восемнадцать часов в седле. И каждый день находит он силы выполнить всё, что от него требуется.

Петербург. Каждый день — восемнадцать часов в кресле, под зелёной лампой, за письменным столом. Восемнадцать часов чтения, размышлений. Восемнадцать часов напряжённой работы с пером в руке... Думаете, это легче, чем в седле, в горах?

Только в одном повезло Петру Петровичу Семёнову. Он родился вовремя. Вовремя для географа. Потому что настала пора решать важ-

нейшие географические задачи. Когда время ставит свои задачи, оно находит и людей, способных их решить. Время выбрало этого спокойного, доброго, мягкого человека. Человека, который сумел любое явление рассмотреть во всей его сложности. Человека, который любил повторять: «Истина есть целостность».

Сорок пять лет — вы только подумайте! — сорок пять, — и в самый ответственный для отечественной географии период, будет возглавлять Пётр Петрович Семёнов Русское географическое общество. Это он будет ставить задачи Пржевальскому, Роборовскому, Северцеву, Потанину, Козлову, Мушкетову, братьям Грумм-Гржимайло, Черскому да ещё десяткам других самых прославленных, самых талантливых исследователей. Он будет организовывать их походы, делиться с ними своими мыслями, знаниями, мечтами.

Золотым веком русских путешественников будут называть современники это время. Эти сорок пять лет Учителем будут называть русские географы Петра Петровича Семёнова.

Его имя они станут присваивать травам и деревьям, морским проливам и огромным ледникам, горным хребтам и озёрам. А потом и ему самому Родина присвоит имя гор его молодости. С тех пор и навсегда он будет зваться Семёновым-Тян-Шанским.

Велика благодарность и велика любовь географов к Петру Петровичу. Одну из высоких заоблачных гор Азии они назовут даже не фамилией его, они назовут её — «Пётр Петрович».

Географический журнал тех лет писал:

«Всякий, кто прочтёт такое название на карте, догадается, в честь какого большого человека эта гора названа».

ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

— Где мы? — спросил фотограф Трик-Трак пилота Крылышкина.

— В точке с координатами $41^{\circ}46'$ северной широты и $50^{\circ}14'$ западной долготы...

Крылышкин передал карту полёта профессору Алидаде. Ведь именно эту точку профессор отметил на карте в прошлый раз.

— Да, здесь, — пробормотал профессор. — Именно здесь.

Он посмотрел вниз.

Шар медленно опускался.

Крылышкин совсем уже приготовился сбросить часть балласта, как вдруг...

Все увидели внизу большой айсберг.

— Приготовьте-ка лучше якорь, —

сказал Алидада пилоту. — Для небольшой остановки нет ничего лучше айсберга...

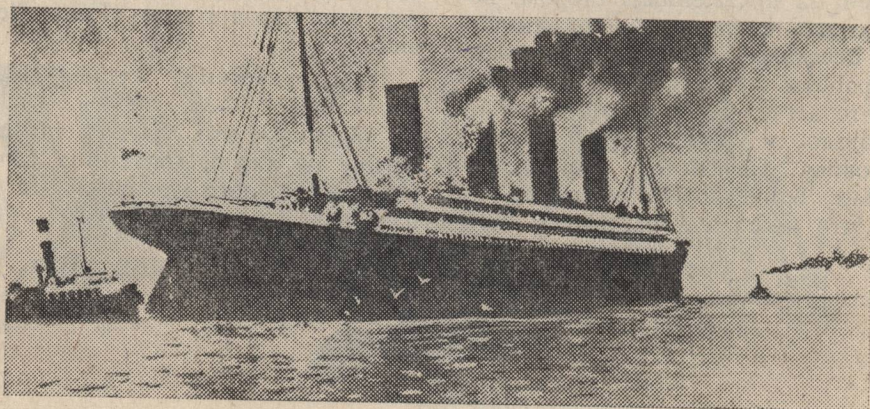
И когда корзина мягко коснулась плоской вершины ледяной горы, а Крылышкин ловко закрепил якорь в трещине, профессор начал рассказ...

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ, КОТОРАЯ НАЧАЛАСЬ НА НЕБОЛЬШОМ ПАРОХОДЕ «КАЛИФОРНИЭН»

...Стрелки часов в радиорубке «Калифорниэн» показали 23.30. На календаре было 14 апреля 1912 года.

Всего один радист был на пароходе, но в 23.30 его вахта заканчивалась. Радист выключил радиостанцию и отправился отдыхать...

«Калифорниэн» стоял неподвижно, потому что капитан приказал застопорить ход, как только пароход вошёл в зону плавающих айсбергов: плыть ночью слишком рис-

«Титаник».

кованно, нужно было дожидаться рассвета...

Если бы радист, прослушивая эфир, задержался ещё на двадцать минут, то смог бы услышать сигнал SOS — зов о помощи с тонущего корабля. И корабль этот был совсем рядом. С мостика «Калифорниэн» в бинокли заметили его освещённые окна.

— В нескольких милях от нас какой-то лайнер, — сказал один офицер.

— Наверное, он, как и мы, дожидается рассвета, — сказал другой.

— Смотрите-ка, он пускает ракеты, — сказал третий. — Может быть, что-то случилось?

— Тогда ракеты были бы красные... — возразил первый. — А у них ракеты белые... Нет, всего скорее, это праздничная иллюминация. Должно быть, развлекают пассажиров. Весело, наверное, там сейчас...

— А что это был за корабль? — спросила профессора любопытная Искорка.

— Потерпите, мой друг, — отвечал профессор, — и вы всё узнаете.

А пока я вам расскажу ещё одну историю...

История вторая, которая произошла гораздо раньше первой...

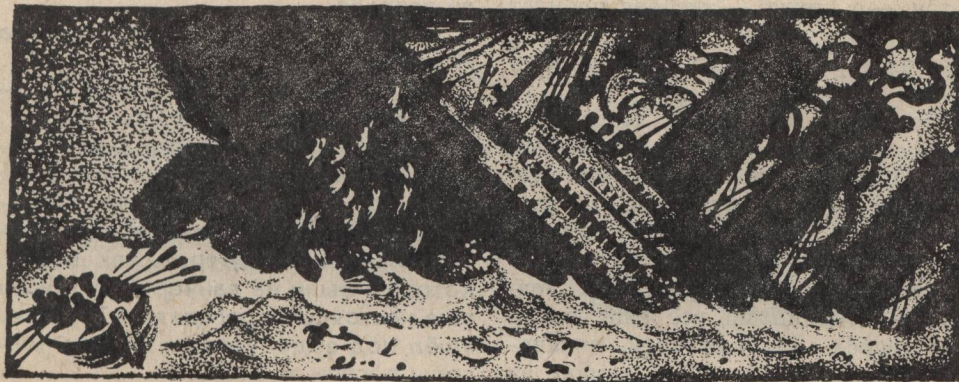
...Когда в городе Белфасте строился необычно громадный для того времени корабль — а было это в 1911 году, — на верфи побывал русский инженер-кораблестроитель Владимир Полиевктович Костенко. Особенно интересовала его непотопляемость кораблей. Этот же корабль был объявлен абсолютно непотопляемым.

Однако, осматривая отсеки, Костенко заметил:

— Переборки у вас не доходят до верхней палубы... А если случится пробоина?

— У нас всё рассчитано, — отвечали ему английские инженеры. — Даже если пробоины будут в двух отсеках, вода не поднимется выше переборок. Корабль останется на плаву...

Русский инженер покачал головой:

— А если пробоина захватит четыре отсека... Или пять...

— Пробоина длиной в сто метров?! Это абсолютно невозможно! А наш корабль — чудо техники..

— Но что же всё-таки это был за корабль? — спросила Искорка..

— Об этом, — отвечал Алидада, — в следующей истории...

История третья, грустная и поучительная

— Этот корабль, — продолжал Алидада, — назывался «Титаник». Гигантский лайнер длиной более четверти километра и водоизмещением в 66 тысяч тонн вышел в свой первый рейс из английского порта Саутгемптон и, развив скорость в двадцать два узла, направился в Нью-Йорк...

На борту «Титаника» 1316 пассажиров и 891 член экипажа. Роскошный зал ресторана, залы для игр, плавательный бассейн, пальмовый зал для отдыха... Настоящий плавающий город! Был апрель... В это время в этих широтах часто встречаются плавающие горы льда — айсберги. Такой айсберг ночью был замечен вахтенным «Титаника».

— Тревога! — ударил вахтенный в колокол.

«Титаник» начал медленно поворачивать. Но слишком медленно! А айсберг быстро и неумолимо приближался.

Вот он совсем близко... Но, кажется, — о, чудо! — айсберг пройдёт по правому борту. Действительно, ледяная гора, покачиваясь, проходит мимо.

Но нет, не мимо! Подводная часть айсберга глубоко под водой рвёт борт «Титаника». Пробоина стометровой длины захватывает отсек за отсеком, и внутрь корабля ворвались потоки воды...

«Титаник» по инерции, с остановленными машинами всё ещё двигается вперёд. Ледяная гора, покачиваясь, навсегда исчезла в тумане за

Капитан «Титаника» Смит (справа),
погибший вместе с кораблём.

кормой «Титаника»... Но предвидение инженера Костенко — увы! — сбылось: пробоина захватила пять отсеков.

«Титаник» начал тонуть...

— А пассажиры? Что стало с пассажирами и командой? — спросила притихшая Искорка.

Профессор горестно вздохнул:

— Недаром я начал рассказ с парохода «Калифорниэн». Этот пароход, как выяснилось потом, был ближе всех к «Титанику». Но соединились стечение обстоятельств и трагические оплошности: радист «Калифорниэн» ушёл отдыхать и выключил свою радиостанцию. На «Титанике» не оказалось красных ракет — сигнала бедствия, а были только белые, их заметили, но не приняли всерьёз.

— Какая жалость! — воскликнула Искорка.

— Невероятное стечение обстоятельств! — добавил Крылышкин...

— Мало того, — продолжал Алидада. — Когда капитан «Титаника» Смит приказал спустить шлюпки, выяснилось, что мест в шлюпках хватит только на одну треть тех людей, которые были на лайнере! Это была уже настоящая трагедия... «Титаник» ушёл под воду, унося в пучину полторы тысячи жизней...

Через несколько часов на место гибели лайнера пришла «Карпатия». Радист с «Карпатии», к счастью, смог принять сигнал SOS. Но «Карпатия» спасла только тех, кто был в шлюпках... Взгляните сюда: это редкая фотография «Титаника». Таким был красавец-корабль, которому не было суждено сделать в море даже одного-единственного рейса...

Все долго рассматривали фотографию, а потом Искорка вспомнила о другой фотографии, фотографии часов с непонятным циферблатом...

— Пожалуй, надо рассказать,— сказал профессор,— это ещё одна небольшая история.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ ПРО ЧАСЫ

— В общем-то, — продолжал рассказывать профессор, — это настоящие часы, показывающие точное время. Но на циферблате краской нанесены четыре узких сектора. Видите? Каждый сектор, заметьте, захватывает ровно три минуты.

Так вот, такие часы есть в каждой рубке радиста! На каждом ко-

Часы радиста.

рабле! В эти минуты радисты на всех кораблях прекращают передачу и включают радиостанции только на приём... Они слушают эфир... И если где-то тонет корабль, радисты услышат сигнал бедствия — SOS — и кораблю придут на помощь.

Моряки называют эти три минуты «минутами молчания»...

— Между прочим, — заметил пилот Крылышкин, — пора послушать эфир и нам...

— Сообщения наших читателей? Да? — спросила Искорка.

— Конечно, — ответил Крылышкин и начал настраивать радиостанцию на приём.

ВОТ КАКИЕ СООБЩЕНИЯ ПРИНЯЛ КРЫЛЫШКИН:

1. ВПЕРВЫЕ ВОЗДУШНЫЙ ШАР УЧАСТВОВАЛ (КАК НАБЛЮДАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО) В СРАЖЕНИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ С АВСТРИЙЦАМИ ПРИ ФЛЕРИ 26 ИЮНЯ 1794 ГОДА. КОМАНДОВАЛ ШАРОМ КАПИТАН КУТЕЛЛЬ...

Алёша Иванов, Ленинград.

2. НАЗВАНИЕ, КОТОРОЕ НАПОМИНАЕТ О РАЗВИТИИ ВОЗДУХОПЛАВАНИЯ В РОССИИ, — СТАНЦИЯ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬНЫЙ ПАРК. СЕЙЧАС ОНА НАХОДИТСЯ В ЧЕРТЕ ГОРОДА ЛЕНИНГРАДА.

Наташа Крутицкая, 3-б класс, школа № 408 города Пушкина.

3. ОТРЫВОК, КОТОРЫЙ ВСПОМИНАЕТ ПРОФЕССОР АЛИДАДА, ВЗЯТ ИЗ РОМАНА ЖЮЛЯ ВЕРНА «ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ».

Катя Иванова, г. Павловск.

Затем воздушный шар вместе с нашими путешественниками медленно поднялся ввысь и, увлекаемый всё усиливающимся северо-восточным ветром, поплыл на юго-запад.

Последнее, что успел сделать Трик-Трак, это сфотографировать большой айсберг, приютивший ненадолго воздушный шар.

Путешествие продолжалось...

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ПУБЛИКАЦИЮ ОТЧЕТОВ О ПУТЕШЕСТВИИ
ОЛЕГ ОРЛОВ
Рис. А. Московского

Олег Данилов

ИМЕНЕМ

Научный консультант-
кандидат
юридических наук
В.С. ТИМЕСКОВА

12

РАССКАЗОВ
О БОРЬБЕ ЗА ИСТИНУ
И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

С
РАССЛЕДОВАНИЯМИ,
ИССЛЕДОВАНИЯМИ,
ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ,
СУДЕБНЫМИ
ЗАСЕДАНИЯМИ
И
ЮРИДИЧЕСКИМИ
КАЗУСАМИ

ЗАКОНА!

РИСУНКИ
Ю. БОЧКАРЁВА

ОТ РЕДАКЦИИ

Олег Данилов принёс нам очередную историю со странным подзаголовком — «Рассказ толстого мальчика».

— Это — Лёша Волков из 6-в, — объяснил он нам. — Помните!

— Помним, — сказали мы, прочитав его материал. — Но, может быть, неудобно обо всём об этом писать! Лёша может обидеться. Он рассказал вам о своих личных, семейных делах. Согласится ли он, чтобы про это напечатали в журнале?

— Он уже согласился, — сказал Олег. — Эта история случилась несколько месяцев назад. Теперь всё в прошлом. Кстати, сейчас он уже не такой толстый! И поэтому ему не будет обидно!

Итак, предлагаем вашему вниманию рассказ толстого мальчика, записанный Олегом Даниловым.

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

Закон и селя

Когда у папы хорошее настроение, он берёт свою старую студенческую гитару и

поёт разные песни. Маме особенно нравится вот эта:

Ты у меня одна,
Словно в ночи луна,
Словно в степи сосна,
Словно в году весна...

Я думаю, маме кажется, что это про неё написано. И действительно — она у папы одна. И у меня тоже.

Но давно уже папа гитару не берёт, песни не поёт... Они с мамой теперь ругаются.

— Я не понимаю, — говорит мама за ужином, обращаясь к холодильнику, — как это может быть! Пятнадцать лет на одном месте — и оставаться всё тем же старшим инженером. Иванов — началь-

ник отдела. Петров — руководитель группы. Сидоров — зам. начальника цеха!

— А я не понимаю, — темнеет папа, — почему все обязательно должны быть начальниками и руководителями? Я прежде всего не старший инженер, а хороший инженер!

— А я, — заводится мама, — должна поэтому три года ходить в одном и том же пальто? А Лёшу (это меня) мы уже который год не можем повезти к морю!

— Лёша прекрасно проводит время в пионерском лагере, — кипятится папа. — Ему, с его разгильдяйством, как раз полезно побыть в коллективе. Ты руки перед едой вымыл? — напускается он на меня.

Конечно, я не вымыл. Я слушал, как они ругаются.

— Вот, пожалуйста, — папа стирает вперёд руку, которую он, кстати, тоже не вымыл. — Двенадцать лет парню! Спортом не занимается! В кружки ходить не хочет! Да я в твои годы...

— Ты посмотри на себя в свои годы! — ехидно заявляет мама. — И нечего срывать злость на ребёнке. Ты просто неудачник!

— Ещё бы! — неожиданно соглашается папа. — У всех жёны как жёны...

— Потому что у всех — мужья как мужья. — Мамины глаза наливаются слезами. — Ну и женился бы на своей Ленке Дульцевой!

— Я, кстати, её недавно встретил, — небрежно говорит папа.

— Случайно? — так же небрежно интересуется мама. — Ну и как она?

— Ничего. С мужем развлась. В гости приглашала.

— И что же ты не зашёл? — Мама берёт тарелку и на-

чинает непонятно зачем её вытирать. — Или ты зашёл?

— Нет, не зашёл, — резко отвечает папа. — Но могу зайти, если ты настаиваешь.

— Понятно... — тихо говорит мама и аккуратно кладёт тарелку на стол. — А позавчера ты задержался на совещании, не так ли?

— Лена!

— Саша!

— Я тебя прошу...

— Оставь меня в покое! Всему должен быть предел.

— Ах так!

— Да. Вот так!

Сначала мне всё это, честно говоря, даже нравилось. Потому что, если они ссорятся, то со страшной силой начинают любить меня.

— Геометрию делаешь, сынок? — вдруг умиляется папа, словно это великий подвиг — делать геометрию. — А ну, давай посмотрим, что за задачка такая?

— Лёшенька! — звенит в это время мамин голос из кухни. — А что я тебе вкусненького принесла!

...И всё это было хорошо до тех пор, пока в нашей семье не поселилось нехорошее слово «развод».

Как всегда, масла в огонь подлила бабушка — мамина мама. Она — бывшая учительница и привыкла всех учить.

— Если он, — говорит бабушка маме, придя в гости, — не хочет исполнять элементарных обязанностей перед семьёй...

А потом приходит другая бабушка — папина мама. Она всю жизнь была женой офицера.

— Сыночек, — говорит она папе. — Давай я тебе пуговицу на пиджак пришью... Если больше некому...

И кончилось всё это тем, что сидят папа с мамой на

кухне и разговаривают, как чужие.

— Учти, — очень спокойно говорит мама, — ты имеешь право на половину всего нашего имущества. Я узнавала — всё, что нажито совместно, при разводе делится пополам.

— Мне ничего не нужно, — вежливо отвечает папа, — кроме моих вещей, конечно. Костюм... пальто... гитара... Впрочем, если Лёша будет жить с нами...

— С кем это — «с вами»? — настораживается мама.

— Я, естественно, перееду

— Ничего подобного! — твёрдо говорит папа. — По закону, если ребёнок старше десяти лет, спрашивают его мнение. Оно, конечно, не является решающим, но суд учитывает его.

— Тогда я спокойна, — говорит мама. — Лёша, конечно, захочет жить со мной.

— Посмотрим! — зло отвечает папа. — Я бы на твоём месте не был так уверен.

Кончилось всё это тем, что папа сходил в суд и подал заявление о разводе.

Вечером они с мамой по-

к своей матери, — объясняет папа.

— Странно, — смеётся мама, хотя ей совсем не смешно. — Разве Лена Дульцева тебя не примет?

— Я перееду жить к матери! — резко повторяет папа. — И мой сын будет жить со мной!

— Лёша останется жить здесь! — категорически заявляет мама. — И думать нечего!

звали меня на кухню — у них почему-то все дела решаются на кухне — и велели подумать и решить, с кем из них я хочу остаться.

На следующий день я после школы домой не пошёл, а сел в садике на скамейку и стал думать.

...Когда я был маленький — лет шести, — мы жили на даче и папа учил меня плавать. Он держал меня за ноги и заставлял колотить руками

по воде. Я всё время уходил на дно. Когда выныривал — плакал. Но папа снова и снова хватал меня за ноги и требовал, чтобы я плыл.

— Хватит! — вскрикивала мама с берега. — Он воды наглотается!

— Ничего! — гремел папа. — Он должен быть мужчиной!

Я плакал, глотал воду, а потом так рассердился, что и не заметил, как папа отпустил мои ноги. И вдруг чувствую — плыву!

— Мама! — крикнул я. — Я мужчина. Я плыву. Плыву! Мама смотрит и смеётся. И папа смеётся.

— Понял, — говорит, — что значит — захотеть? Решил — никогда не отступай...

А однажды я болел воспалением лёгких. Папа был в командировке, за мной мама ухаживала. У меня температура пять дней подряд была тридцать девять и шесть. И я только одно помню: как глаза открою — мама рядом сидит. И днём и ночью, всё время... Потом уже я узнал — бабушки мои приходили, предлагали её сменить, — ни за что. Похудела на восемь кило. И седые волоски у неё появились — она их потом выдёргивала перед зеркалом...

И главное, я же чувствую, ерунда происходит какая-то! Не могут они друг без друга жить! И без меня не могут! И я без кого-нибудь из них — не могу!

Посоветоваться бы с кем-нибудь. А с кем?.. Ребята не больше моего понимают. Бабушки начнут меня в разные стороны тянуть. К тому же, оказывается, тут законов всяких полно — развод-то в суде происходит. А в законах и не каждый взрослый сразу разберётся!

И тут я вспомнил, как мы

несколько месяцев тому назад привели в милицию нашего Серёгу Иванова, который нашёл у киоска журнал, и как начальник угрозыска капитан Соколов мгновенно всё выяснил.

...Капитан Соколов сидел за столом в своём кабинете и разговаривал по телефону:

— Да, Каменская трикотажная фабрика... Кофточки, детские колготки... Ума не приложу! — Он махнул мне свободной рукой «садись!». — Кто у нас ОБХСС — ты или я? Повторяю — есть что искать! Есть! Ещё раз проверь! Связи протруй! Не мне тебя учить! Ну, привет!.. — Он положил трубку. — Что скажешь, Лёша?

Неудобно мне стало — он посторонний человек, серьёзными делами занят, а я лезу к нему с семейными склоками.

— А что такое ОБХСС? — спросил я, чтобы хоть не молчать.

— Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности, — усмехнулся капитан. — Ты пришёл, чтобы это выяснить?.. Говори, Лёша, за чем пожаловал?

— Да так, мелочи, — застенялся я. — Вы уж извините. Я пойду лучше...

— Рассказывай, Волков! — потребовал капитан.

— А откуда вы знаете, как меня зовут?

— Так ведь это ты пять месяцев назад приходил, когда насчёт киоска разбирались? Вот на этом стуле ты сидел тогда. Справа. И шарф на тебе был в полоску. А фамилия в разговоре мелькнула.

— И всё запомнили?

— Профессия! — улыбнулся капитан. — Это у нас все умеют. Рассказывай!

И я всё рассказал.

Выслушав меня, капитан

нахмурился и забарабанил пальцами по столу.

— Мелочи, говоришь? — сказал он зло. — Нет, брат, это не мелочи. Совсем не мелочи. Ладно. Иди домой. Родителям скажешь — ничего не решил.

...Когда я сказал родителям, что ещё подумаю, они оба, по-моему, ужасно обрадовались. Не потому, что я никого из них не выбрал, просто, я думаю, и папа и мама надеются — вдруг что-нибудь такое произойдёт и они помируются. А через два дня папа ушёл было на работу, но тут же вернулся.

— Лена! — позвал он маму прежним, не чужим голосом. — Посмотри, что я вынул из почтового ящика. Как это понимать?

Мы с мамой прибежали из кухни и увидели у папы в руках открытку.

— «Уважаемые товарищи Волковы! — прочёл папа. — Настоятельно рекомендуем вам всей семьёй присутствовать на судебном заседании по делу гражданина Снежкова. Начальник уголовного розыска райотдела милиции Соколов». Ничего не понимаю!.. А кто этот Снежков?

— Понятия не имею, — встревожилась мама. — Лёша, ты не знаешь?

Я помотал головой: нет!

— Лена, — сказал папа, — надо идти. Похоже, что это дело серьёзное.

...В зале суда сидели какие-то люди, а в углу, за маленьким столиком, пожилая женщина — секретарь судебного заседания.

— Встать! — громко сказала она. — Суд идёт!

Все встали. Из маленькой боковой дверцы вышли двое мужчин и женщина. Они сели в большие кресла с гербами РСФСР на спинках.

— Посередине — судья, — тихо пояснил папа. — А это — народные заседатели.

— Прощу сесть! — сказала женщина-секретарь, и все сели.

Двое мужчин расположились перед судейским столом друг против друга.

— Это — адвокат, — опять пояснил папа, — а это — прокурор.

Прокурора я узнал — он заходил к капитану Соколову, когда мы приводили Серёгу Иванова.

Милиционер ввёл подсудимого. Гражданин Снежков оказался худеньким парнишкой, на вид грустным и робким.

— Свидетелей попрошу покинуть зал! — громко сказал судья.

— Это для того, чтобы они не слышали, кто что будет говорить, — сказал нам папа, — и не меняли своих показаний.

Несколько человек вышли.

...Вскоре выяснилось, что гражданин Снежков, четырнадцати лет, взломал продуктовый ларёк и украл оттуда три плитки шоколада «Спортивный», два пакета конфет «Белочка» и два блока жевательной резинки «Апельсиновая».

— Объясните, гражданин Снежков, мотивы ваших действий, — предложил судья.

Снежков встал, вытер нос ладонью и тихо сказал:

— Ребята во дворе смеются... Мать, говорят, у тебя пьяница... А я решил: принесу конфет, ребятам дам, скажу — мать работать пошла, денег принесла домой... Пить, скажу, бросила...

Мне как-то нехорошо от таких слов стало.

— Да врёт он! — раздался хриплый женский голос. — Кто пьёт-то?

— Соблюдайте порядок! —

резко сказал судья. — Иначе я прикажу вывести вас из зала!

— Прошу суд, — сказал прокурор, — учесть заявление гражданки Снежковой и пригласить её для дачи показаний.

Перед судейским столом у небольшого барьера встала женщина в полинялом рыжем плащике. У неё было красное, опухшее лицо, губы размазаны помадой, а под глазами темнел густо припудренный синяк.

дело, я само собой... С расстройством... А сегодня — ни-ни!.. Похмелилась только, и всё!..

— Вот кого надо судить в первую очередь! — с возмущением заявил наш сосед. — Несчастный мальчик!

— Снежкова, вы работаете? — спросил судья.

— Устраиваюсь, — буркнула женщина.

— Восьмой месяц устраиваетесь! — заметил адвокат, заглянув в какую-то бумажку.

— Боже мой! — вздохнул сидящий рядом с нами рослый, модно одетый человек со складным зонтиком в руках. — И это мать!

— Шоколадки ему! Конфеток! — злобно заговорила женщина. — На двойки учится, мать родную ни в грош не ставит! А теперь — вот что!

— Обращаю внимание суда, — сказал адвокат, — что гражданка Снежкова явилась в суд в нетрезвом состоянии.

— Неправда, — заявила Снежкова. — Вчера, раз такое

— Расскажите суду, — обратился прокурор к Снежковой, — занимаетесь ли вы воспитанием сына?

— Ну что тут спрашивать? — махнул рукой человек с зонтиком. — Неужели не ясно?..

— Что же, я не мать? — обиделась Снежкова. — Про родного сына забуду? Как только двойку принесёт — я ремень в руки!.. Правда, теперь-то тяжелее мне — вырос он!..

— Я говорю не об этом, —

резко сказал прокурор. — Вы помогали сыну делать уроки? Приносили ему книжки? Проверяли домашние задания?

— Извиняюсь! — усмехнулась Снежкова. — На то школа есть.

— Есть ещё вопросы к гражданке Снежковой? — спросил судья.

Адвокат отрицательно покачал головой. Прокурор — тоже.

— У меня вопрос, — сказала женщина-заседатель. — Анна Григорьевна! — как-то очень по-домашнему, по-родственному заговорила она. — Почему вы пьёте? Почему сына забросили? Что с вами случилось?

Снежкова огляделась и неожиданно всхлипнула.

— Пью я, верно... И сына загубила... А что случилось? Была семья, муж хороший, лектором в обществе «Знание» работал, я — бухгалтером... Нормально жили... А как ребёнок родился — заболела я... Два года болела, высохла вся, на ведьму похожа стала... Ну и бросил меня мой супруг... Обидно мне стало — сил нет! Если б не сыночек — руки бы на себя наложила... А подружки, будь они прокляты... выпей, говорят, Анечка, легче будет... А потом... Всё понимаю, всё! — вдруг закричала она. — Всё! Не могу бросить! Перед вами стою, сыночка моего судят, а я про одно только думаю: трёшка у меня есть, и магазины до семи, а сейчас уже полпятого!.. Не успеть боюсь! Меня судите, меня! Меня одну!.. — Она схватилась за голову и зарыдала.

— Скажите, Анна Григорьевна, — спросил адвокат, когда Снежкова немного успокоилась, — а ваш бывший муж, отец вашего сына, он принима-

ет участие в воспитании мальчика?

Сидящий на скамье подсудимых Снежков презрительно хмыкнул и отвернулся.

— Отец-то его? — переспросила Снежкова. — Да вы у него сами спросите! Вон же он сидит! Здесь присутствует!

И она показала на сидящего рядом с ними мужчину с зонтиком.

В зале стало тихо.

Снежков-старший встал, двинулся было к судейскому столу, но остановился и, повертев зонтик в руках, положил его на свободное место около папы.

— Присмотрите, пожалуйста! — вежливо попросил он и пошёл к барьерчику.

— Граждане судьи, — сказал он, положив обе руки на барьер и красиво откинув голову. — Я знаю положение, согласно которому родитель, находящийся в разводе, обязан участвовать в воспитании ребёнка. И смею вас заверить — я это участие принимал! Помимо аккуратно выплачиваемых алиментов, мною было приобретено для сына... — Он достал из кармана бумажку и стал читать: — ...игрушка автомобиль «Москвич» стоимостью 3 рубля 87 копеек; куртка подростковая из материала «болонья» стоимостью 18 рублей 12 копеек, портфель школьный детский стоимостью...

— Да подавись ты! — с ненавистью сказал вдруг Снежков-младший и сплюнул на пол.

— Вот, пожалуйста! — с пафосом воскликнул старший Снежков. — Мамаша вместо того, чтобы воспитать у ребёнка чувство уважения и благодарности к отцу, всё время настраивала его против меня!

— Скажите, — спросил судья, — как часто вы наве-

щали свою бывшую семью? Как происходили встречи?

— Видите ли, — Снежков-отец несколько замялся, — я предпочитал посылать подарки по почте. Вот квитанции! — Он вынул из кармана несколько смятых бумажек. — Обращаю ваше внимание на то, что гражданка Снежкова демонстративно присылала мне все вещи обратно!

Мой папа давно уже как-то подозрительно ёрзал и хватался руками за спинку кресла. Вдруг он резко поднялся.

— Мерзавец! — закричал он на Снежкова-отца. — Пустобрёх несчастный! Таких отцов, как ты!..

Никогда я своего папу таким не видел. Попадись сейчас ему этот «лктор» — он бы его, наверно, растерзал!..

— Вы свободны! — сказал судья Снежкову-отцу. — А вас, — он строго посмотрел на папу, — попрошу удалиться из зала!

— Извините... — тихо сказал папа. — Не сдержался... Разрешите остаться, товарищ судья.

Судья, помолчав, кивнул.

— Но потребую соблюдения порядка! — строго добавил он.

Проходя мимо нас, Снежков-отец кинул на моего папу гневный взгляд, схватил свой зонтик и уселся на другое место.

...Что было дальше — я плохо помню. Вызывали свидетелей, им задавали вопросы, а я всё смотрел на худенького паренька, сидевшего на скамье подсудимых. Он был старше меня всего на два года. Но сколько страшного уже успел увидеть!

Предоставили слово прокурору. Он сказал, что подсудимого надо отправить на три года в колонию, а в отношении родителей поставить

вопрос о лишении их родительских прав.

И тут Снежков-младший вскочил со своего места.

— Маму не надо! — крикнул он, вцепившись в загородку. — Не лишайте! Она хорошая! Мы в деревню ездили, она мне ягоды собирала! В детском саду я зайца играл — мама костюм сшила с ушами длинными!.. Не надо, граждане судьи!

Суд удалился на совещание.

Мы с мамой давно поменялись местами. Она сидела рядом с папой и держала его за руку.

— Встать! Суд идёт! — громко сказала секретарь.

— Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, — громко прочёл судья, — суд постановил...

...Судья читал долго, обстоятельно, а смысл был такой: Снежкова направят в спецПТУ — будет там и жить и учиться. А мать Снежкова, Анну Григорьевну, решено было послать на принудительное лечение от алкоголизма.

...Около дверей суда стоял милицейский «газик».

— Волковы! — крикнул сидевший за рулём лейтенант. — В машину!

Мама с папой настолько обалдели от всего, что даже не удивились.

Мы доехали до отделения и поднялись на второй этаж.

— Садитесь, — встал нам навстречу капитан Соколов. — Прошу!

— Простите, — папа наконец заметил, что он в милиции. — А что всё это значит?

— Ну как? — вместо ответа спросил капитан. — По-правилось?

— Ужасно! — сказала мама с горечью. — Кошмар какой-то...

— Да, — согласился капитан. — Одно хорошо — такие дела не часто всё-таки попадают. Это уж прокурор по моей просьбе вам специально подобрал...

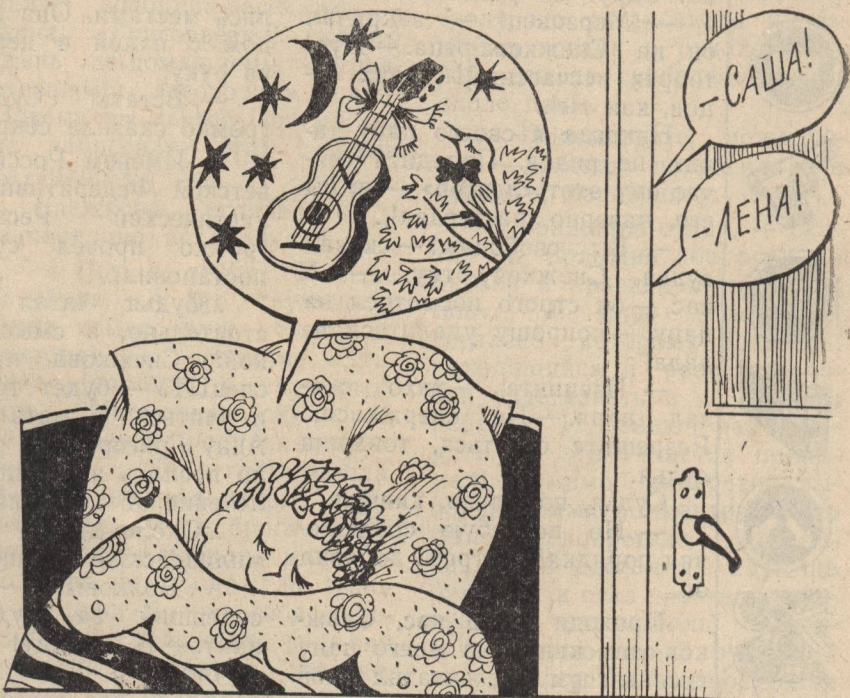
— Объясните, товарищ капитан, — решительно потребовал папа. — Что происходит?

— Значит, разводитесь? — опять вместо ответа спросил капитан. — Заявление подали, мнением сына интересуетесь...

— Простите, — возмутился было папа, — но это, так

— Лёша! — сказала мама, посмотрев на меня с ужасом. — Ты?

— Да нет, — успокоил её капитан, — у вас сын — золото. Ко мне пришёл, чуть не плачет, помогите, говорит... Вы видели сегодня Снежкова? Мать его избивала, валялась пьяная — он и то её любит. Не раз на следствии говорил... Жалеет её. Всё на хорошее надеется. А каково вашему? Вы же его на разрыв испытываете... И потом, —

сказать, наше личное дело...

— Личное? — неожиданно закричал капитан и треснул ладонью по столу. — Личное?.. Думаете, развелись — и никому дела нет? А потом — проходящий отец только и знает, что подарочки носить да угощения. Мать одна всё хозяйство тянет — не до воспитания ей. А сыночек без присмотра — на улице да в компании: сигарета, рюмка... А потом — мы ими изволь заниматься!.. Вот вам и личное дело.

он резко повернулся к маме, — гражданка Волкова! Посмотрели, какие мужья бывают? Поняли, что такое — плохой муж?

— Поняла, — тихо сказала мама.

— То-то, — всё познаётся в сравнении! Но и ты, мил друг, — повернулся он к папе, — тоже хорош! Вместо того, чтобы лишний раз жену приласкать — в амбицию лезешь... Кстати... Ивченко! — проговорил он, нажав кнопку селектора.

Появился лейтенант.

— Выяснил?

— Гражданка Дульцева Елена Сергеевна, — стал докладывать Ивченко, — в настоящее время... — тут он замялся. — Не имею права, товарищ капитан... В общем, замуж собирается... заявление уже подала в районный ЗАГС.

— Из-за вас, — сказал капитан, — пришлось следить за личной жизнью граждан. Но хоть для пользы дела? — в упор спросил он папу с мамой.

Папа хмуро кивнул, а мама поднесла к глазам платок.

— Слушай, — капитан неожиданно повернулся ко мне, — а чего ты такой толстый? Спортом не занимаешься? Ивченко! В дзюдо его. И до седьмого пота!

— Есть, товарищ капитан! — весело ответил Ивченко и подмигнул мне. — Завтра в семнадцать ноль-ноль — сюда. Вместе и пойдём.

Капитан поднялся. Родители тоже встали.

— Вы, товарищи, конечно, извините, — сказал капитан. —

ЕЩЁ РАЗ ОТ РЕДАКЦИИ

1. Как вы думаете, ребята, правильно ли поступил Лёша Волков, обратившись в милицию? Ведь он рассказал о семейных делах постороннему человеку. Может быть, не стоило «выносить сор из избы»!

2. Правильно ли, что закон разрешает людям, лишённым родительских прав, впоследствии, если они исправятся, снова их получить? Ведь эти люди очень виноваты перед своими детьми.

3. Как, по вашему мнению, сложится дальнейшая судьба Вити Снежкова и его мамы!

Но если у нас такие семьи разваливаться начнут! — Он развёл руками. — Подумайте!

...Когда мы пришли домой, я сразу сказал:

— Что-то я устал... И на тренировку завтра. Я спать лягу. — Потому что при мне они, конечно, мириться не станут. А я так хотел, чтобы это поскорее случилось!

Лёг я спать, а сам не сплю. Папа с мамой молчат. Долго-долго. Потом папа говорит:

— Лена!

А мама говорит:

— Саша!

Ну, тут я, конечно, не утерпел. Слез с кровати, на цыпочках подошёл к двери и стал подглядывать.

И вижу — подходит папа к шкафу, снимает сверху свою старую гитару, подтягивает струны и начинает петь:

*Ты у меня одна,
Словно в ночи луна,
Словно в степи сосна,
Словно в году весна...*

А мама слушает и, конечно, уверена, что эта песня написана про неё.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

(К рисункам на 4-й странице обложки)

Рады сообщить вам, что художник Георгий Светозаров, вы знаете его и по рисункам в нашем журнале тоже, получил Диплом и первую премию на выставке-конкурсе «Карикатура защищает природу». У нас в редакции сложилось впечатление, что рисунки Г. Светозарова и первые премии соединены прочно, потому что в 1977 году он тоже получил гран-при (первую премию) в Италии на выставке карикатуристов «Животные наблюдают за нами». И вот теперь — в Риге.

Вторая республиканская выставка «Карикатура защищает природу» разместилась в Риге в здании Планетария. В двух залах — около 400 работ, которые прислали 130 художников из Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Прибалтики... Но строгое жюри выделило рисунки Г. Светозарова, отметив в них выдумку, тонкость наблюдения, остроту мысли.

Мы печатаем сегодня четыре рисунка дипломанта, объединённые одной темой — «Зоогербарий». Ведь если быть наблюдательным, то в природе можно увидеть чудеса: из одуванчика подсматривает за нами ёжик, в цветке тюльпана спрятался спаниель, среди камышей — эму, а каждый лист крапивы — маленький крокодилыч.

РИСУНКИ Ю. БОЧКАРЁВА

Научиться управлять этим скакуном совсем не простое дело! — сказал папа Серёже, выводя новенький детский велосипед на асфальт перед дачей. — Но со мной ты его освоишь мгновенно!

— Может, вначале на тропинке попробуете или на травке? — крикнула с крыльца мама. — Падать не так больно!

— За сына не переживай! — успокоил её отец. — Царапины не будет — обещаю! Ставишь левую ногу на педаль, — показал он Серёже, — толкаешься правой — и ты верхом на велике!

Как известно, КАКТУС — растение очень сухопутное. Настолько сухопутное, что, наверное, и не засохнет, даже если вы уедете в пионерский лагерь и забудете его полить. Но отдых на воде КАКТУС всё равно очень любит. Правда, ему известно, что такой отдых некоторые ребята умеют устраивать себе прямо в школе. Например, «плавая» у доски. Или «окунаясь с головой» в чтение фантастики на последней парте. Или «купаясь в лучах славы» после пятёрки по физкультуре, до тех пор, пока не «сядут в лужу» на алгебре.

Но сейчас каникулы! Поэтому КАКТУС рассказывает о купании в речках и озёрах, о ловле рыбы, туристских походах и вообще о весёлом летнем отдыхе!

Но через седло папа перескочил.

— Разберём ошибку, — сказал он, поднимаясь с асфальта и осмотрев ободранный локоть. — Велосипед маловат, а толчок сильноват! Держи мустанга! — попросил он Серёжу. — Не то опять сбросит!

Со второй попытки с помощью сына отцу всё-таки удалось оседлать машину.

— Понял, как надо? — спросил он. — Теперь нажимаем на педали и мчимся вперёд! Показываю поворот! — закричал папа.

Но колени его запутались в руле, и он показал полёт на велосипеде в канаву.

— Делай, как я, — сказал папа, вылезая из лужи на дне канавы, — но не повторяй моих ошибок! — И он потёр ушибленные места.

Серёжа уже собрался было оседлать непослушный велосипед, но папа остановил его:

— Стоп! Закатай штанины, а то упадёшь!

Серёжа загнул джинсы, сел и поехал, а папа побежал рядом, держась за руль и седло.

Но вдруг он запрыгал на одной ноге и упал, повалив на себя и железного скакуна, и сына. Серёжа сразу вскочил и постарался стащить велосипед с папы. Но не тут-то было!

— Штанина в цепь попала! —

объяснил отец. — Надо было и мне брюки закатать!

— Какой ужас! — воскликнула мама и кинулась ощупывать Серёжу.

— Не волнуйся! — успокоил её из-под машины отец. — На сыне ни одной царапины! Как и обещал! Все ссадины и шишки на мне!

Мама отцепила папу, отвела его в сад и уложила в гамак.

— Перенесём тренировку примерно дня на два! — объявил папа. — Пока не заживут раны!

— А я вообще запрещаю тебе садиться на эту адскую машину! — приказала мама. — Завтра же её продадим!

Серёжа осмотрел новенький велосипедик, на котором папа успел поставить только три царапины. Он мало чем отличался от его старого, с двумя колёсиками сзади для устойчивости. «А что если самому попробовать?» — подумал он, сел на непокорный велосипед и вначале, пока не набрал скорость, повилял рулём, но удержался, не упал, потом сильнее нажал на педали и всё быстрее и увереннее покатил вперёд.

КОЛЮЩИ

СОБРАЛИ

В.ЛОМАНЬИ,

А.СМИРНОВ,

В.КОНЯХИН

ИЗУЧАЕМ ФИЗИКУ

ИНТЕРЕСНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К ЗАКОНУ АРХИМЕДА СДЕЛАЛ ШУРИК ПЕТРИКОВ. ОН ВЫЯСНИЛ, ЧТО ЕГО ТЕЛО ПРИ ПОГРУЖЕНИИ В РЕЧКУ НЕ ТОЛЬКО ВЫТЕСНЯЕТ ВОДУ, НО И ЧАСТИЧНО ПРОГЛАТЫВАЕТ.

ОТКРЫТИЕ

ПЕТЯ ЧУРКИН НЕДАВНО УЗНАЛ, ЧТО «КИЛЬ» — ЭТО НЕ ВЗРОСЛАЯ «КИЛЬКА».

ПРОТИВОРЕЧИЕ

СТРАННОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ОБНАРУЖИЛ ЭДИК КУКУШКИН. БЫЛО БЫ ЗДОРОВО, ЕСЛИ БЫ ЛЕТО НИКОГДА НЕ КОНЧАЛОСЬ. НО ТОГДА БЫ ОН ВСЮ ЖИЗНЬ ОСТАВАЛСЯ ПЯТИКЛАССНИКОМ. И ЕГО БЫ ВСЮ ЖИЗНЬ КОЛОТИЛ КОЛКА ПЕТУХОВ ИЗ ШЕСТОГО «Б».

НА КОНКУРС!

УИОРИСТИЧЕСКАЯ ФРАЗА

ВОДА НУЖНА ДЛЯ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ ПОТОМУ ЧТО В ВОДЕ МЫ КУПАЕМСЯ, ВОДОЙ КИПАТИМ ЧАЙ.

Маша Широкова,
6-б класс, 482 школа.

РЕКА СОСТОИТ ИЗ ДВУХ ЧАСТЕЙ — ПРАВОГО БЕРЕГА И ЛЕВОГО БЕРЕГА.

Даша Васильев,
5-б класс, 389 школа.

САМЫЕ ВКУСНЫЕ ГРИБЫ — ЭТО ПОДОСИНОВИКИ И ПОДБЕРЕЗОВИКИ И ЧЕРНИЧНОЕ ВАРЕНЬЕ С БУЛКОЙ.

Вика Карасик,
4-в класс,
454 школа,
г.Колпино

Здравствуйте, дорогие папа и мама!

В пионерлагере очень хорошо. В девять утра — завтрак, после обеда — тихий час, перед ужином — полдник.

Я подружился с мальчиком. С ним очень хорошо. Он всегда отдаёт мне свой компот. Настоящий друг!

Недавно мы всем отрядом ездим

ли на экскурсию в музей. В музее очень хорошо. Я выпил бутылку лимонада и съел три пирожных.

Ещё мы ходили гулять в лес. В лесу очень хорошо. Я съел корзину ягод.

Потом мы ходили на речку. На речке очень хорошо. Я съел кастрюлю ухи.

На обратном пути мы встретили стадо коров. Коровы очень хорошие. Я выпил ведро молока.

Ещё мы помогали колхозникам работать в поле. В поле очень хорошо. Я съел грядку огурцов.

А ещё вечером был конкурс, кто самый весёлый и находчивый. Мне завязали глаза. И я нашёл вход на кухню. На кухне мне было очень хорошо.

Сегодня было взвешивание. Закончилось оно очень хорошо. Я сбросил весы.

До свидания.

Ваш сын — Жора.

**БОРИС
СУЛИМОВ**

Не слышал чуднее историй,
Хоть знаю в историях толк:
В посёлке у самого моря
Живёт удивительный волк.

Он зайца не видел ни разу,
Зато очень часто — акул.
Он плавает кролем и брассом,
А то бы сто раз утонул.

Он дружит с малышкой-мартышкой.
Фуражка на нём — набекрень.

А хвост у него — из мальчишек,
Что бегают следом весь день.

Он курит старинную трубку
И носит седые усы.
Приезжих катает на шлюпке
До дальней песчаной косы.

Характер суровый у волка.
Обходит он шум стороной.
Но знают все дети в посёлке,
Что он — совершенно ручной.

Ах, как он рассказывать может
Мальчишкам под шелест волны
О плаваниях дальних, похожих
На летние яркие сны!

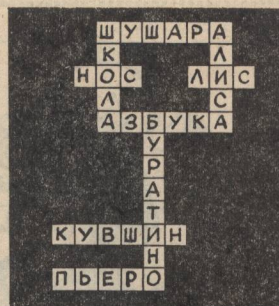
Расскажет и смолкнет надолго,
И в дымку посмотрит с тоской...
Добавить осталось о волке,
Что он не простой, а морской!

ответы на кактусворд

«КЛЮЧИК»

Прежде всего КАКТУС поздравляет всех своих читателей со знаменательным юбилеем — пятидесятилетием Буратино! Это имя и было ответом на ключевой вопрос кактусворда «Ключик». Чтобы верно ответить на второй вопрос, ребятам надо было вспомнить, что однажды Буратино не сдержался и дёрнул за хвост крысу Шушару. Но кого только не вспомнили наши читатели: кота Базилио, пуделя Артемона, черепаху Тортилу, своих домашних кошек и собак, и даже таких животных, у которых вообще нет хвостов. Заменитель авторучки, которым Буратино пытался писать, — конечно, «нос». Однако нашелся читатель, который таким заменителем считает «нож». Мальчик пояснил, что он вырезал перочинным ножом на парте своё имя «Боб». И надо же случиться такому: другой наш читатель назвал именем «Боб» главного дурака в Стране Дураков. Строка «Не боимся очень вас...» принадлежит Пьеро. А две подружки называли её автором Зайца из мультфильма «Ну, погоди!». Кстати, эти же девочки считают, что «умненьким и благоразумненьким» можно стать не в «школе», а в «киношке».

Первыми прислали правильные ответы Владик Минаев [90-я школа], Дима Курочкин [291-я], Лёня Жутовский [532-я], Галя Бакланова [2-я, г. Кириши].

КАКТУС обещает, что все, кто правильно и быстро отвечает на вопросы кактусворда, ко Дню смеха в следующем году будут награждены призами!

Когда знаменитый норвежский путешественник Тур Хейердал собирался в плавание на лодке «Ра» через Атлантику, он набирал в экипаж людей не только смелых и умелых, но и весёлых. И не потому, что плавание на папирусной лодке через бурный океан в век космических по-

лёт кое-кому может показаться смешным. А потому, что чувство юмора, считал Тур, помогает покорять даже океаны.

И КАКТУС приглашает сегодня читателей прокатиться на своей яхте. Он берёт с собой только весёлых ребят!

1 (слева). Часть рыболовной снасти. Рыбак очень радуется, когда она у него исчезает.

1 (посередине). История, без которой не обходится ни одно настоящее путешествие.

1 (справа). Очень крепкий материал для «ловли» морского ветра.

2. Очень частая и громкая пальба при игре в «морской бой» на задней парте. За неё даже могут выгнать из класса.

3 (вдоль борта). Идущий по волнам.

3 (вдоль носа). Фонарь, подмигивающий кораблям.

4. Плавающая спальня.

5. «Косметический салон» для кораблей, после выхода из которого даже древний буксир чувствует себя теплоходом на подводных крыльях.

ПРОЧТИ
ЭТУ
КНИГУ

Что нужно для игры в шахматы!
Желание!

Шахматная доска. Шахматные фигуры.

Терпение!

Покладистые папа, мама, дедушка или бабушка, которые на первых порах помогут тебе в этой книге разобраться, а дальше ты их будешь обыгрывать.

Одна толстая тетрадь или блокнот для записи партий. Два простых карандаша.

Вот и всё!

С таких шутильных и одновременно очень верных советов (они напечатаны прямо на форзацах) начинается книга Владимира Зака и Якова Длуголенского «Я играю в шахматы». И если ты ещё не умеешь играть в шахматы (а такое случается), скорее бери в руки эту книгу и начинай её изучать. Причём вместо взрослого помощника (папа, дедушка) партнёром у тебя может быть и твой брат (или сестра), играющие в шахматы, или твой школьный товарищ. Как раз о похожем эпизоде из своей шахматной биографии и рассказал в предисловии к этой интересной книге Михаил Таль.

Книга приведёт тебя в загадочное Шахматное Королевство, познакомит с Королями и их подданными, расскажет, кто где в Королевстве стоит, кто, как и куда по шахматной доске передвигается, кто как «бьёт» и «ест». Ты узнаешь, что такое ШАХ, МАТ, ПАТ, НИЧЬЯ... Книга научит тебя записывать партии, пользоваться ДИАГРАММАМИ, разбивать ВИЛКИ и СВЯЗКИ, делать ЖЕРТВЫ, выигрывать ТЕМП, строить КОМБИНАЦИИ. Словом, книга может сделать тебя полководцем на шахматной доске.

Большое место в книге отведено рассказам о чемпионатах мира по шахматам и, естественно, о чемпионах мира. Познакомиться с этим разделом книги очень важно именно сейчас, потому что совсем недавно начался матч-реванш между чемпионом мира Гарри Каспаровым и экс-чемпионом мира Анатолием Карповым. Кто знает, может быть, изучив книгу и как следует натренировавшись (а в книге даны этюды, упражнения, анализ выдающихся шахматных партий), ты бросишь вызов чемпиону и будешь бороться за шахматную корону!

В заключение несколько слов об авторах.

В. Г. Зак — много лет работает в шахматном клубе Ленинградского Дворца пионеров. Именно его называет своим учителем экс-чемпион мира Борис Спасский.

Я. Н. Длуголенский — детский писатель, его книги ты, конечно, не раз читал. К тому же он постоянный автор «Искорки».

Книга «Я играю в шахматы» вышла в 1985 году в издательстве «Детская литература» вторым изданием.

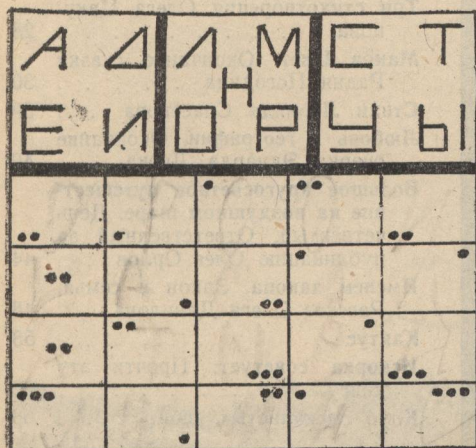

Многие смекалистые просят печатать головоломки потруднее. Задания, опубликованные в этом номере, решить будет нелегко. А между приславшими правильные ответы на большинство заданий будет, как всегда, разыгран приз.

Срок для ответов — до 15 сентября.

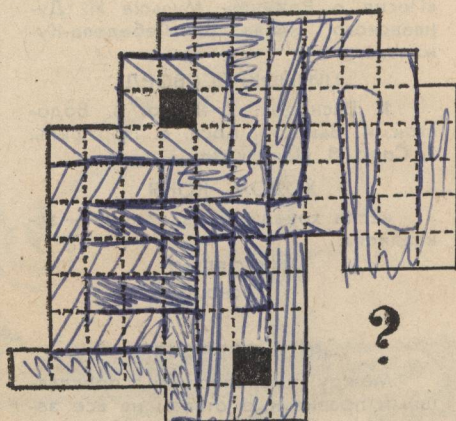

ДВОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА

Разгадайте секрет головоломки и ходом шахматного коня прочтите строку из стихотворения азербайджанского поэта Сулеймана Рустама. (5 очков)

РАЗРЕЖЬ!

Разрежьте фигуру на 9 букв (высота 5 клеток) и сложите из них название птицы. За ответ с пояснительным рисунком — 5 очков.

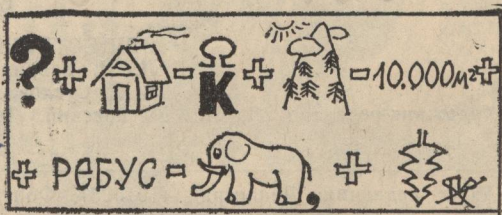
СЛОЖИ!

Замените каждую букву определённой цифрой и решите пример. (4 очка)

$$\begin{array}{r}
 + \text{ ЯЗЫК} \\
 \text{ЩУКА} \\
 \hline
 \text{РЫБЫ}
 \end{array}$$

Handwritten numbers: 968, 1405, 2973

РЕБУС «ПЛЮС — МИНУС»

Прочтите слово, приносящее пользу всем. (4 очка)

Может быть, вы даже знаете журнал с таким названием? (4 очка)

ИЗ ЧЕТЫРЁХ — ПЯТОЕ

Из всех 14 букв этих четырёх слов сложите пятое слово, имеющее отношение к геометрии. (4 очка)

О О П а + О О Е а +
+ О а + Р Е О Е = ?

ПРОВЕРЬ СЕБЯ (Ответы к «Искорке» № 5)

ПЛЕТЁНКА

«Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». «Песня о Родине». Музыка И. Дунаевского, слова В. Лебедева-Кумача.

ЦИКЛОКРОССВОРД

1. Васнецов. 2. Коро. 3. Водосток. 4. Выпь. 5. Коса. 6. Портфель. 7. Спор. 8. Покрышка.

ХОДОМ КОНЯ

«Если хочешь быть здоров — закаляйся».

МИКРОРЕБУС Точно.

«КТО ПОБЕДИЛ!»

Между смекалистами, приславшими правильные ответы на все задания, опубликованные в «Искорке» № 4, был разыгран приз. Он достался ученику 6-д класса 347-й школы Михаилу Рузову. Поощрительные призы получают Анна Аронзон (7-6 класс, 263-я школа) и Таня Голованова (3-а класс, 126-я школа).

СОДЕРЖАНИЕ

Монферран. Очерк Василия Островского	1
Магеллан. Стихотворение Николая Дудина	7
Петровская набережная. Главы из повести Михаила Глинки	8
Узелок	19
Остров Сокровищ. Маленькая повесть из тринадцати миниатюр В. Стругацкого	20
Поисковая работа. К 50-летию О. А. Цакунова. Вступительное слово Льва Гаврилова	27
Три стихотворения Олега Цакунова	28
Маков Цвет. Окончание сказки Радия Погодина	30
Стихи Леонида Спассёнова	39
Любовь к географии. Окончание очерка Эдуарда Лиска	40
Большое кругосветное путешествие на воздушном шаре. День четвёртый. Ответственный за публикацию Олег Орлов	44
Именем закона. Закон и семья. Рассказ Олега Данилова	48
Кактус	58
Искорка советует: Прочти эту книгу	62
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок В. Качальского «Юнга»

На 2-й и 3-й страницах обложки фрагменты гравюры Алексея Зубова «Панорама Петербурга»

На 4-й странице обложки рисунок Г. Светозарова «Зоогербарий».

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский, В. Н. Сулов, А. Н. Томилин, И. А. Туричин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая. Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград. (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 01.07.86. Подписано к печати 17.07.86. М-29658. Формат 70×108¹/₁₆. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,68. Тираж 60 000. Заказ № 472. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

„здесь будет
город
заложён...”

ЗООГЕРБАРИЙ

